

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА (Материалы круглого стола)

Редакция журнала "Человек" и Новосибирский государственный университет экономики и управления провели дистанционный круглый стол "Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра"¹. Своевременность такой дискуссии очевидна. Ведь последние десятилетия — это время радикальных изменений во взаимоотношениях науки и общества, в ожиданиях, запросах и опасениях общества. Столь же основательно трансформируется и сама наука — организация исследований, механизмы выбора приоритетных направлений, а в чем-то и само научное мировоззрение. Философы, социологи и психологи, науковеды, историки науки и технологий давно стараются понять эти изменения и рождаемые ими новые проблемы и возможности. А благодаря их исследованиям мы получаем возможность увидеть новый облик науки, весьма далекий от привычных, устоявшихся представлений.

Но объектом такого переосмысления до сих пор оставались, главным образом, естествознание и базирующиеся на нем технологии. А между тем науки гуманитарного цикла, и, тем более, социальные науки, старающиеся использовать методологию естественных наук для изучения человека и общества, меняются, может быть, еще больше. Меняется и их роль в обществе — порой они превращаются в непосредственный фактор общественных перемен. Говоря словами из не очень давнего прошлого, превращаются в "непосредственную производительную силу" исторического процесса. Но эти перемены привлекают куда меньшее внимание.

Наш журнал неоднократно обращался к этим вопросам и даже участвовал в проведении круглого стола, посвященного современной роли ученого-гуманитария². Но, как нам кажется, настало время для более широкой постановки проблемы.

Здесь, на наш взгляд, обозначились несколько общих вопросов и точек пересечения различных мнений.

- Остается ли наука, в том числе ее социально-гуманитарный "раздел" по-прежнему одним из базовых социальных институтов или ее статус и внутренняя конфигурация меняются? Если верно последнее, то в чем тогда суть происходящих изменений?

- Действительно ли, как считают некоторые исследователи, единая прежде гуманитарная наука разделилась на два мало связанных между собой явления: уходящую в прошлое традиционную науку, занятую проблемами истины, добра и красоты, и набирающую силу "ин-

¹ Круглый стол проводится в рамках проекта Российского научного фонда "Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека"

(грантовое соглашение № 14-18-03087).

² Ученый и власть.

Круглый стол журнала "Человек" и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (Человек. 2010. № 3).

дустрию производства социально-гуманитарных знаний и технологий” — большое бизнес-предприятие, производящее для нужд правящих элит интеллектуальные продукты, связанные с проблемами власти, управления трендами и капиталами?

- Трансформация научных стандартов и регулятивов имеет и ярко выраженное человеческое измерение. По-видимому, век гуманитариев-одиночек заканчивается. Смена поколений в науке, изменения в научном этосе в целом происходят крайне болезненно. Что нужно сделать, чтобы обеспечить преемственность?

- Сегодня быстро формируются гибридные направления, такие как биоинформатика, биоэтика, биомедицина, и проч. Феномен НБИКС-технологий уже активно присутствует в многочисленных междисциплинарных исследованиях. Разработка же крупных гуманитарных проектов, в рамках которых осуществлялась бы серьезная гуманитарная экспертиза технических и социальных новаций пробуксовывает. Почему?

Все эти вопросы мы задали участникам нашего заочного круглого стола.

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что проблемы динамики гуманитарного знания и его институтов не всегда можно рассматривать вне контекста эволюции науки в целом. Поэтому кто-то из участников нашего круглого стола может говорить и об общих процессах, характерных для современной науки, — но, разумеется, в той мере, в какой они распространяются на гуманитарное знание.

Надеемся, что обсуждение жизненно важных для современной гуманитарной науки тем будет интересно не только тем, кого эти проблемы затрагивают непосредственно, но и всем, кому безразлична судьба гуманитарных наук.

Ниже публикуются материалы дискуссии.

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ. Наука остается одним из базовых социальных институтов. Более того, ее влияние на экономические, социальные, культурные процессы возрастает. Это связано с феноменом, получившим сегодня название “общества, основанных на знании”. Именно получение, распределение, использование знания во многом определяет облик современного общества. И прежде всего речь идет о научном знании. Поэтому будущее имеют те общества, которые поддерживают и развивают науку. Другое дело, что наука существенно меняется. Меняется и тип ученого.

При этом нельзя сказать, что наука, занятая проблемами истины, добра и красоты, уходит в прошлое. Происходит другое: научное

знание, прежде всего знание, получаемое в науках о природе, усиленно технологизируется. Конечно, наука, возникшая в результате научной революции XVII века, изначально была связана с возможным производством новых технологий. Но все же долгое время сохранялось различие между фундаментальной наукой, нацеленной, прежде всего, на получение знаний, и наукой прикладной, работающей на новые технологии. Сегодня это различие все сильнее размывается. Возникла так называемая технаука. Нужно однако иметь в виду, что любая технология невозможна без знания не только того, как произвести нечто, но и того, какие процессы происходят в природе. Иными словами, без получения истинного знания

**Лекторский
Владислав
Александрович** — академик, заведующий сектором Института философии РАН. E-mail: lektorski@ultranet.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

нельзя построить тот или иной проект, разработать новую технологию. Так что речь идет не вообще об отказе от поисков истины, а, во-первых, о том, что необходим поиск преимущественно такого рода истинных знаний, которые можно легко практически утилизировать; и, во-вторых, о том, что многие отрасли науки сегодня нацелены в первую очередь на получение практических результатов. Конечно, сохраняется и фундаментальная наука, для которой на первом месте стоит получение новых знаний независимо от возможностей их практического использования, но она сегодня гораздо хуже финансируется, поэтому может показаться, что она постепенно сдает позиции. Я, однако, убежден, что если бы традиционная наука окончательно сошла со сцены, то и прикладная наука лишилась бы глубинных источников развития. Если исчезнут люди, нацеленные на поиск истины, добра и красоты, общество превратится в сборище механизированных и технологизированных существ, деятельность которых будет лишена всякого смысла.

И вряд ли “век гуманитариев-одиночек заканчивается”. Впрочем, настоящие ученые-гуманитарии никогда и не были “одиночками”. Наука, в том числе и гуманитарная, конечно, всегда была коллективным делом. В наше время, время так называемой большой науки это особенно очевидно. Но это не исключает того, что принципиально новые теоретические идеи всегда приходят в голову какому-то конкретному ученому. Такие идеи всегда имеют автора. Конечно, высказанные идеи затем обсуждаются, развиваются многими. Но все же творчество было и всегда останется индивидуальной деятельностью. Поэтому есть основания говорить о механике Ньютона, о теории относительности Эйнштейна, о прин-

ципе дополнительности Бора и т.д. В наше время это космогоническая теория Линде и другие концепции. Это тем более относится к гуманитарным дисциплинам. Поэтому всегда были выдающиеся историки, психологи, авторы социологических концепций. Что же касается философии, то ее история — это не что иное, как история философских концепций выдающихся людей, начиная с Аристотеля и Платона (один автор написал даже, что вся история западной философии — это история комментариев к Платону). Другое дело, что история гуманитарных дисциплин не есть просто прозрения гениальных одиночек — ведь последние всегда работают в определенном культурном и интеллектуальном контексте, откликаются на те проблемы, которые возникают в определенной культурно-исторической ситуации, взаимодействуют с другими исследователями и поэтому не могут рассматриваться как существующие сами по себе одиночки. Но ясно, что без творческих индивидуальностей гуманитарная наука (как и наука вообще) невозможна. Никакой “коллективный разум” в принципе не может заменить деятельность творческих личностей.

В науке, как и в любой деятельности, происходит смена поколений. Важно, чтобы эта смена не привела к отказу от тех основных составляющих научного этоса, без которых наука просто невозможна. Что для этого сделать? Много чего. Из самого главного могу назвать необходимость коренного изменения отношения к науке, начиная от финансирования и кончая созданием в обществе определенного образа науки и культивированием научной рациональности как важнейшей культурной ценности. И, конечно, важнейшим средством трансляции ценностей этоса науки является существование и развитие науч-

ных школ. У нас в последнее время делалось много для того, чтобы эти школы уничтожить.

Почему плохо обстоит дело с гуманитарной экспертизой технических и социальных новаций? Думаю, что причина в непонимании того, что современное “общество знания” — это общество, в котором от науки и от основанных на науке технологий зависит будущее человека. Дело в непонимании того важнейшего обстоятельства, что современные НБИКС технологии порождают большие риски, что сегодня идет речь о возможностях трансформирования человеческой телесности, мозга и психики и о возможных непоправимых последствиях этого. Сегодня естественные науки начинают изучать человека и разрабатывать технологии воздействия на него. И они могут способствовать развитию человека, открытию перед ним новых возможностей, но могут привести и к уничтожению человека. Гуманитарная экспертиза новых междисциплинарных проектов насущно необходима. В этой связи становится ясно, что науки о человеке и ценностно нагруженное гуманитарное знание — не одно и то же.

И.Т. КАСАВИН. То, что скажу ниже, относится не столько к гуманитарному знанию, сколько к науке в целом. Но, на мой взгляд, процесс эволюции науки един, и естественные и технические науки лишь опередили на этом пути науки социальные и гуманитарные и могут служить определенной моделью, позволяющей лучше понимать их нынешнее состояние строить предположения об их близком будущем.

Факт, что социальные институты эволюционируют, достаточно хорошо известен. Как и то, что институт может существенно меняться, оставаясь при этом одним из краеугольных камней обществен-

ной жизни. Если вести речь о науке, то ее статус фундаментального социального института — изобретение относительно недавнего прошлого. Полноценным социальным институтом наука стала не ранее середины XIX века: это относится к ее роли в системе производства, хранения и распределения знания, в системе образования, СМИ, промышленности и принятия политических решений. Наука — один из самых молодых социальных институтов и вместе с тем один из наиболее демократических и успешных. При этом ее нельзя сводить к совокупности НИИ или научных работников. Социальные функции науки таковы, что сегодня она проникает в самые тайные уголки коллективного и индивидуального существования, претендует на участие во всех сферах жизни современного человека — от мелкого быта до высокого бытия. На мой взгляд, изменения в социальном статусе и функциях науки связаны со следующими факторами:

- конкуренция социальных институтов (за распределение средств, влияние на экономику, политику и сознание);
- дифференциация науки (выделение областей “корыстного” и “бескорыстного” любопытства);
- интеграция науки, техники, промышленности и политики в “большой науке”;
- дилеммы милитаризации и безопасности, роста потребления и экологического кризиса, достоинств и недостатков бионаук (многие научные вопросы выносятся на коллективное обсуждение и при их обсуждении ученый уравнивается в правах с “человеком с улицы”, рядовым налогоплательщиком).

Итак, наука становится максимально публичной, конкурируя в этом с попкультурой, но при этом ученые настаивают на своем выделенном эпистемическом статусе и особой экспертной функ-

Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра

Касавин Илья

Теодорович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, главный редактор журнала “Epistemology & Philosophy of Science”. E-mail: itkasavin@gmail.com

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

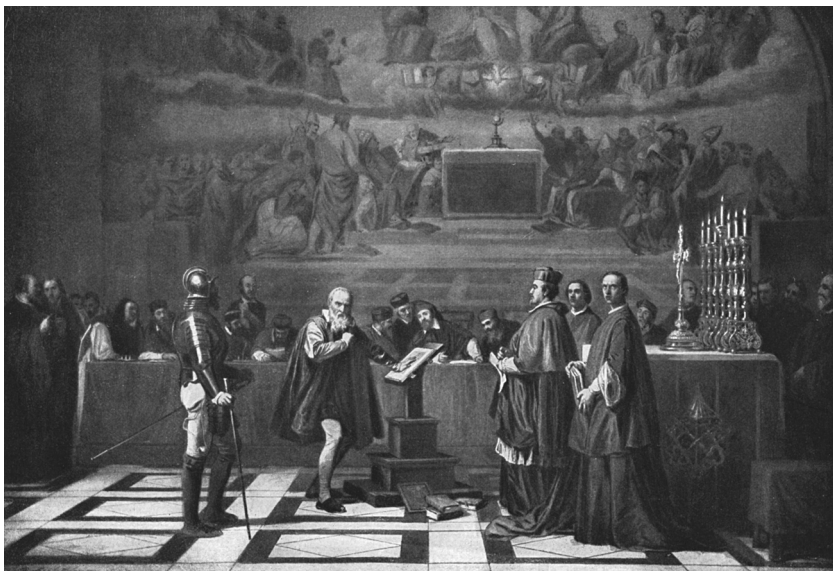

ции. Наука потребляет бюджетные деньги, но ученые отказываются работать в “сфере социальных услуг” и отказывают в компетентности (и компетенции) чиновникам, назначенным их контролировать. Едва ли не большая часть научных исследований сегодня невозможна без сложного технического оборудования и коллективной деятельности, но Нобелевские премии получают индивиды. Современное бытие науки есть *глобальная социальная проблема*, и в этом ее особенность по сравнению с предшествующими эпохами.

С тех пор, как науки отделились от философской метафизики — а многие сделали это достаточно давно, — они отнюдь не занимались исключительно истиной, добром и красотой. Возникновение классической науки (Лондонское королевское общество, Кольцовская Академия наук) было торжеством “полезного знания” [в стиле Ф. Бэкона] в то время, когда наука еще только начинала оказывать существенное влияние на технику и экономику. Превращаясь в полноценный социальный институт, начиная динамично взаимодействовать с образованием, бизнесом, политикой, СМИ, она эволюционирует в “Большую науку”, занимающуюся “мегапроектами”. При этом мировоззренческая функция науки (те самые истина, добро и красота) сохраняется, приобретая специфические формы. Наука строит научную онтологию, органически входящую в совокупную обыденную картину мира в качестве составной ее части. Наука учит людей рациональному мышлению и демократическому общению, честности и социальной ответственности — это ли не вклад в нравственное воспитание? Постичь смысл произведений высокого искусства никогда не было просто: настоящая музыка, живопись, литература требуют большой духовной работы. В немалой степени именно наука учит

человека работать над собой. Свидетельства великих ученых от физиков до психологов показывают, что скрипка и палитра не так далеки от осциллографа и томографа.

Что до поколенческих конфликтов в науке, то для меня один из ярких таких примеров — история взаимоотношений Т. Эдисона и Н. Теслы, который был на девять лет моложе Эдисона, но которого по многим параметрам можно отнести к следующему поколению ученых (так называемая “война токов”). Важным источником конфликта была вовлеченность обоих в коммерциализацию электричества. Он не мог разрешиться иначе, как победой одной из сторон. В итоге победила концепция переменного тока Теслы, на стороне которого оказался Дж. Вестингауз. Другой столько же яркий пример — спор Н. Бора и В. Гейзенберга (на 16 лет моложе Бора) об интерпретациях квантовой механики. Гейзенберг вспоминал, что он однажды расплакался, поскольку не мог больше вынести давления со стороны Бора. Однако потом он писал, что только из этих дискуссий с Бором он понял: нельзя совсем отказаться от естественного языка в пользу математики при описании наблюдаемых явлений. Пусть используемые понятия несовершенны, неточны, но ничего другого у человека нет. Этот спор разрешился иначе, чем конфликт Эдисона и Теслы, поскольку не был связан с коммерцией — Бора и Гейзенберга в первую очередь интересовала наука как таковая. Третий пример касается психологии, в частности, неразрешимого конфликта Л. Выготского и А. Леонтьева (на семь лет моложе Выготского) в начале 30-х годов — он был вызван не столько теоретическими расхождениями, сколько стремлением Леонтьева приспособиться к меняющейся идеологической ситуации. Примечательно, что автор иссле-

Галилео Галлилей перед инквизиционным трибуналом. По картине Роберта Флери. На картине действие происходит на фоне фрески Рафаэля “Диспута” в Станце делла Сентьятура (Ватикан). Скорее всего, это вымысел художника, но вымысел сознательный. “Диспута”, или Теология — одна из четырех росписей, созданных великим живописцем по заказу Папы Юлия II. По мнению исследователей, работа символизирует триумф Истины и Веры. Не менее примечательно, что на противоположной стене этой залы Ватиканского дворца располагается фреска “Афинская школа” (Философия). На ней, как известно, изображены выдающиеся умы “всех времен и народов”: Сократ, Платон, Аристотель, Евклид, Аль-Фараби, Птоломей, Гермес Трисмегист...

дования темы указывает: “...этот текст не предназначен для того, чтобы приуменьшить значение Леонтьева или Выготского для психологии. Его целью является обсуждение различных версий истории преемственности в работе этих двух авторов”³.

Поэтому вопрос о сохранении преемственности — это, скорее, переформулировка вопроса о том, можно ли сохранить относительную автономию научного сообщества от коммерции или идеологии. В противном случае исчезнут научные школы, фундаментальная наука станет делом одиночек, а сохранится лишь “технонаука”, работающая на социальный заказ.

Здесь весьма показателен пример современной “бионауки”. В смысле методологии и технологии исследований это результат взаимодействия биологии с другими науками. Выразюсь даже силь-

нее: это капитуляция биологии и медицины перед физикой, химией и вычислительной математикой. Одновременно “бионаука” как прикладное исследование представляет собой органическую (в прямом и переносном смысле) часть технонауки, нацеленной, в первую очередь, на приложения и на использование в рыночной экономике. Так или иначе, но теория в биологии утратила прежнюю ценность и стала основанием лишь для философских спекуляций. Это плоды “междисциплинарного империализма”, востребованного в прикладных проектах, ценных для власти и бизнеса, но мало что дающих для интертеоретического взаимодействия. Крупные проекты такого рода инспирированы, в основном, социальными задачами и рассматриваются просто как их реализация, хотя фактически выходят за их пределы и моди-

³ Мартинс Ж. Заметки об отношениях между Выготским и Леонтьевым: А была ли тройка? // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека “Дубна”, 2013, № 1. С. 106.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

фицируют исходный социальный заказ.

Что же касается крупных гуманитарных проектов, то они в России вообще редко удаются (преодоление массовой неграмотности после революции и послевоенный образовательный прорыв — немногие исключения), и причина этого трояка. Во-первых, нынешнее поколение политиков считает себя достаточно образованным, чтобы самостоятельно формулировать цели и выбирать средства социокультурного развития. Во-вторых, отношение к народу как инертной массе и человеку как винтику машины продолжает культивироваться во властных кругах. В-третьих, общее торможение социально-гуманитарных наук обязано авторитарной политической системе, в которой чиновник заинтересован не в объективной оценке своего труда, а в демонстрации преданности начальству. Поэтому нет адекватного понимания природы и программы развития социотехнических наук, которые способны давать (а в некоторых странах уже дают) эффективные организационные и экспертные решения.

Осознание этих причин могло бы стать первым шагом по преодолению их негативных тенденций.

Б.Г. ЮДИН. На мой взгляд, наука в современном обществе действительно переживает очень серьезные и глубокие изменения. Конечно, она продолжает — и в обозримом будущем продолжит — оставаться одним из базовых социальных институтов. Вообще говоря, как показывает история, с течением времени круг социальных функций, выполняемых наукой, неуклонно расширяется — к оформившимся ранее последовательно добавляются всё новые.

Первой из них у нарождавшейся науки Нового времени обозначилась мировоззренческая

функция: наука стала претендовать на роль верховного авторитета в решении кардинальных вопросов, касающихся устройства окружающего мира. Затем, в эпоху Просвещения, эта функция дополняется еще одной: наука начинает выступать в качестве той основы, на которой выстраивается, организуется и наполняется содержанием институт высшего, а затем и общего образования. Тем самым некоторые начатки научных знаний, соответствующего видения мира и возможных путей его познания становятся достоянием рядовых граждан. Вслед за этим, уже в XIX столетии, наука стала претендовать на роль неиссякаемого источника новых технико-технологических решений. Постепенно именно эта функция науки начинает восприниматься и обществом, и самими учеными как наиболее заметная и наиболее значимая.

Наконец, в течение последних трех-четырёх десятилетий на этом фоне всемерного возрастания роли науки как движущей силы бурного технологического прогресса начинает обозначаться еще одна весьма важная тенденция: интересы исследователей и разработчиков все более фокусируются непосредственно на человеке. Эта тенденция находит живейший отклик и в сфере бизнеса, охотно инвестирующего в новые технологии воздействия на человека и взаимодействия с ним, и у широкой общественности, ждущей от этих технологий эффективного решения многообразных проблем, с которыми сталкивается рядовой гражданин, и в средствах массовой информации, и среди политиков.

Следует особо подчеркнуть, что человек, на которого воздействуют и с которым взаимодействуют эти технологии, является, во-первых, их индивидуальным и, во-вторых, массовым потребителем. Первое обстоятельство важно по-

Юдин Борис Григорьевич — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, главный редактор журнала “Человек”. E-mail: bydin@yandex.ru

стольку, поскольку вопрос использования каждого научно-технологического новшества решается, в конечном счете, именно на этом, индивидуальном уровне. Второе же обстоятельство — массовость — делает возможным коммерчески эффективное функционирование всего контура деятельности — от появления первоначального замысла до выхода на рынок нового технологического продукта.

Принципиально важно то, что такое “технологическое обслуживание” человека является одновременно и его изучением, его познанием, причем познанием не только его актуальных свойств и характеристик, но и его возможностей, как физических, так и психических и даже духовных. Более того, сегодня мы обнаруживаем, что это обслуживание нередко оборачивается преобразованием человека, вплоть до весьма радикального. К. Леви-Строссу приписывают высказывание: “XXI век будет веком наук о человеке (в некоторых случаях употребляют оборот “веком гуманитарных наук”) либо его не будет совсем”. Сегодня мы вполне можем считать, что это пророчество сбылось. Впрочем, этот “поворот к человеку” порождает массу проблем, лишь немногие из которых уже обозначились более или менее четко. Во всяком случае, такой поворот далеко не всегда оказывается для человека безусловным благом.

И если в данной связи говорить о соотношении традиционной науки и науки как “большого бизнес-предприятия”, я бы не доводил это различие до противопоставления. На мой взгляд, каждая из этих ипостасей науки предполагает другую, более того, остро нуждается в своем визави. “Традиционная” наука продолжает выполнять те социальные функции, в частности, в сферах мировоззрения и образования, которые

обеспечивают существование и воспроизводство науки в целом (включая и ее “нетрадиционную” составляющую) как социального института. В свою очередь, “большая наука” (если воспользоваться термином Дерекка Дж. де Солла Прайса; в литературе последнего времени ее чаще называют “технонаукой”) выступает по отношению к традиционной как источник финансовых и иных ресурсов. В современном меркантильном обществе именно способность “большой науки” привлекать ресурсы, прежде всего финансовые, позволяет существовать науке традиционной, “малой”, которой достается от силы 10% этих ресурсов. Грубо говоря, “малая наука” сегодня фактически находится на содержании у “большой” — именно так зачастую оценивается роль науки в современном мире политическими кругами, да и общественным мнением.

Теперь — о поисках истины, добра и красоты средствами “малой науки”. Вообще-то принято считать, что из этой триады только истина проходит по ведомству науки, а для поисков добра и красоты лучше приспособлены другие сферы человеческой деятельности. Оставляя в стороне красоту, я готов согласиться с тем, что искание истины не является приоритетом для “большой науки”, которую больше заботит получение практически значимого и поддающегося исчислению эффекта. Если, однако, говорить о поисках добра, то здесь я бы больше полагался как раз на “большую науку”, ведь разрабатываемые ею технологические решения призваны удовлетворять те или иные потребности человека, а это значит — нести ему добро. Правда, зачастую то, что замышляется и создается в качестве научно-технического добра, в своей практической реализации оказывается ближе к злу, но это уже совсем другая тема.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

И, наконец, еще одно соображение в связи с этим вопросом. Я не готов согласиться с тем, что “большая наука” занимается в первую очередь интеллектуальным обслуживанием правящих элит. Напротив, ее чрезвычайная эффективность обусловлена как раз ее направленностью на массового потребителя, ее, если угодно, демократизмом.

Исторически сложившиеся стандарты и регулятивы научной деятельности в условиях глубоких перемен как в строении и функционировании науки, так и в особенности ее взаимоотношений с обществом, естественно, переживают сегодня основательные перемены. Приведу пример. Одна из норм традиционного научного этоса заключается в том, чтобы воздерживаться от распространения среди широкой публики спорных, недостаточно обоснованных и не получивших одобрения в научном сообществе суждений и концепций. Считалось, что до ее сведения можно доводить только проверенные знания.

Однако в современной “большой науке” действуют и противоположно направленные нормы. Обычным делом является публикация не в специализированных научных изданиях, а в СМИ сообщений о новых революционных открытиях, способных принести человечеству неисчислимы блага. Такого рода практика направлена на то, чтобы в условиях жесткой конкуренции увеличить шансы на получение поддержки, прежде всего финансовой, для проведения потенциально перспективных исследований и разработок.

Вместе с тем в условиях, когда профессия ученого, исследователя становится массовой, остроконкурентной, возникают серьезные проблемы в соблюдении стандартов добросовестного проведения исследований и публикации их результатов. И научному

сообществу, и структурам, вырабатывающим и осуществляющим управление наукой, придется тратить специальные усилия для борьбы с получающими широкое распространение формами недобросовестного поведения, прежде всего — с фальсификацией и фабрикацией исследовательских данных, а также с плагиатом.

Теперь — о гибридных направлениях и феномене НБИКС-технологий. Хочу обратить внимание на то, что в аббревиатуре “НБИКС” по меньшей мере две составляющих — “К (когнитивное)” и “С (социальное)” отсылают к социально-гуманитарному знанию. Так что в сфере новейших технологий социально-гуманитарные науки отнюдь не являются какими-то заезжими гостями. Вообще же практика гуманитарной экспертизы отдельных исследовательских проектов, первоначально получившая развитие в сфере биомедицинских исследований (где она больше известна как этическая экспертиза), ныне становится все более распространенной и в других научно-технологических областях, особенно там, где новые технологические решения ориентированы непосредственно на человека. Сегодня существует и разрабатывается немало гуманитарных технологий, направленных на оценку риска для человека, который несет с собой тот или иной исследовательский проект, та или иная технологическая разработка. В качестве конкретного примера в этой связи можно упомянуть очередную рамочную исследовательскую программу Европейского сообщества, которая носит название “Ответственные исследования и инновации”.

И еще одно, последнее замечание. На мой взгляд, особенностью современной науки и соответствующих ей технологий является их в целом “человеко-размерный” масштаб. Крупные

же проекты — это в наши дни скорее исключение, чем правило. Я считаю, что предложения подобного рода крупных и сверхкрупных проектов, исходящие порой от самых высоких эшелонов власти и призванные враз вывести нашу страну в научно-технологические лидеры, не просто бесполезны, но, более того, опасны. Самые эффективные и самые революционные по своим последствиям технологии сегодня чаще всего сомасштабны отдельному человеку.

С.С. НЕРЕТИНА. На мой взгляд, представленные вопросы весьма своевременны и точно отражают то кризисное состояние, в котором оказалось не только знание, но весь жизненный мир. Потому и надо с этим основательно разбираться. Возникшая неуверенность в ориентации внутри когнитивного пространства видна в самой постановке вопросов. Так, гуманитарность, естествознание и технические науки в них не то, что соседствуют, а сведены в одно. Это некое кентаврическое существо, которое предполагается рассмотреть как целое. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается (или мне это кажется), что части этого существа соединены механически, хотя очевидно то общее, что позволило их соединить: наличие развитой технологии, прежде всего, хороших компьютерных программ, необходимых для лингвистики, психолингвистики, социологии, психологии и пр. И все же, на мой взгляд, речь идет о разных исследовательских заданиях. Гуманитарному знанию, в отличие от естественнонаучного, направленного на достижение определенного результата, свойственно, прежде всего, непрерывное внутреннее размышление, связанное не только с формализованными структурами, но с образами, с парадоксами, с пониманием как с произ-

вольной деятельностью разума (так когда-то — и очень точно — предположил В.В. Розанов), которая лежит вне науки и философии и в которой (в идее понимания) не содержится никакого знания. А потому оно (как основа любой гуманитарности) первее научности, оно, по сути, вопросительно, проблематично, а не результативно. Потому жестко связывать, скажем, философию или литературу с наукой вряд ли возможно. Да и методы их воздействия прямо различны: в науке эксперимент, долговременное предприятие, в философии — прямое непосредственное “вливание” мысли в голову человека. Можно пытаться понять принципы, согласно которым в строго определенное время философию определяли как наукоучение (И.Г. Фихте), но вместе и принципы, согласно которым она, к примеру, могла преобразиться в логику культуры (В.С. Библер) или в фундаментальную онтологию (М.Хайдеггер). Впрочем, и под наукоучением понималась все же философия, взятая в тот момент, когда науки еще не было. Речь шла не только о чистом объекте, но о противоборстве мышления и сознания, при котором мышление выступало как субъект по отношению к сознанию, а сознание — как субъект по отношению к мышлению.

Конечно, в основаниях и гуманитарности, и науки (естествознания) есть точки сближения, хотя наука как таковая сохраняет свой базовый статус выявления нового *истинного* знания: на этом она стоит как камень. Не она, а к ней пытаются подступиться то живая человеческая реальность, в том числе жизнь лаборатория — производитель научных экспериментов, то социология и пр. Именно они — поставщики субъектов: и субъектов познания, и субъектов-администраторов, преследующих разные, в том числе карьерные, интересы. Очевидно, что она

**Неретина
Светлана
Сергеевна** —

доктор философских наук, профессор, заведующая сектором Института философии РАН.
E-mail: abaelardus@mail.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

небезразлична и к морально-этическим вопросам. И все же наука связана, прежде всего, с проблемой поиска истины, а не с созданием “добра и красоты”. Последние не являются ее задачами. Наличие в науке того и другого выдает ее происхождение из философии, даже теологии (о чем специально писал М.К. Петров). Любые теории, гипотезы, предположения, догадки связаны именно с этим желанием поиска истины. Ни фаллибилизм, ни идеи правдоподобия-вероятности не “работали” бы, если бы исследователя не вела идея истины, даже если цель науки — всего лишь “сформулировать набор законов природы, позволяющих предсказывать события в пределах, допускаемых принципом неопределенности”⁴. Ученый по-прежнему стремится выяснить истину, но чаще всего этим занят не одиночка, а огромные научные коллективы, проблемы же, которые стоят перед этими коллективами, требуют дорогостоящего оборудования, технически и технологически развитой инфраструктуры и пр. Требуют-то требуют, но я никогда не забуду фантастическое впечатление от современного американского фильма о том, как ученые ловили “солнечный ветер”, используя ракеты, специальные сачки, специальное оборудование, вертолеты, голливудских летчиков-каскадеров. Но когда шкатулка с пойманным “ветром” упала и разбилась, то ученые начали ползать по земле на коленях и собирать уцелевшее, вспомнив — или не забыв, — что именно они сами, своими руками, своей головой задают тот результат, который вот сейчас упал и разбился.

А.П. Огурцов в свое время обратил внимание на то, что и раньше, и сейчас в содержание науки вводились метафизические и религиозные структуры, которые задавали направление исследований, фиксируя эпистемические

разрывы и инородные элементы внутри науки и создавая напряженность внутри рационального дискурса⁵. Стоило бы специально разобраться в философских основаниях “теории всего” такого скрупулезного ученого, как С. Хокинг, который считает, что все его безумные эксперименты и расчеты нужны для того, чтобы понять собственное место во Вселенной и высветить замысел Бога. Здесь предстает явно не “ученая”, а постмодернистская задача, поскольку такая теория “завершила бы долгую и славную главу в истории нашей борьбы за постижение мира”, обозначив тем самым конец мира⁶. Я думаю, что момент такого проникновения ненаучного в науку или философско-гуманитарного присутствия в ней даже тогда, когда открываются собственно “законы природы”, должен стать одной из проблем исследования. А то, что существуют параллельно традиционная наука и бизнес-наука — дело естественное, характеризующее в целом человеческое мышление. Никуда ведь не ушли античная или средневековая философии. Мы задеты ими, понимая их как действующие — *другие* — способы решения проблем. По большей или меньшей интенсивности обращения к ним можно судить о степени вызреваемости этих проблем.

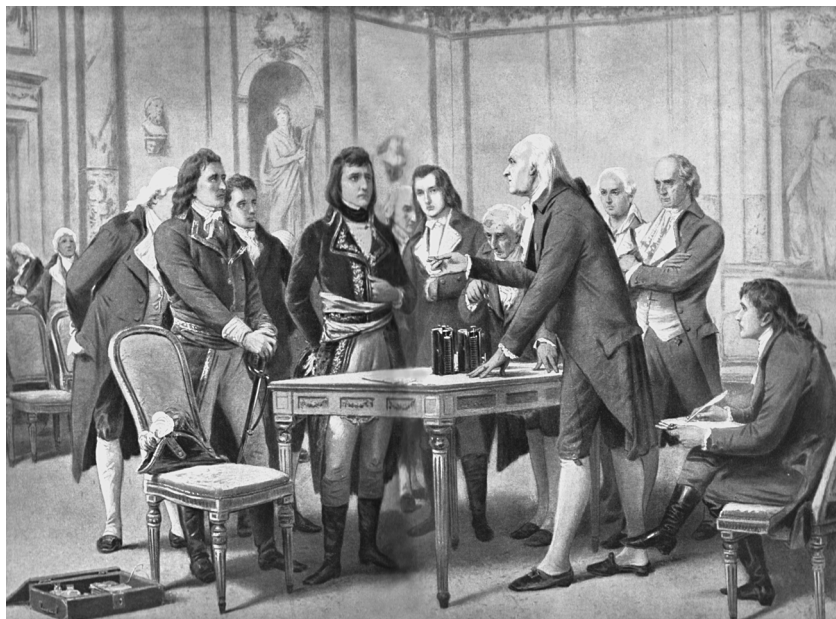
То же, что наука задействована в бизнес-предприятиях, позволяет управлять трендами и капиталами, обеспечивать власть, свидетельствует именно о ее *изначальной* способности изменить через эксперимент задаваемые параметры эксперимента. В меньших масштабах это было и ранее.

Сейчас важнее другое: что именно связано с этими трендами и властью? Является ли наукой (вопрос задан именно так) то предприятие, которое позволяет правящим элитам управлять трендами, капиталами, даже сознани-

⁴ Хокинг С. Теория всего. СПб., 2009. С.122.

⁵ См.: Огурцов А.П. Преодоление сложности и расширение научных теорий // Vox. Философский журнал. 2012. № 12 (vox-journal.org).

⁶ Хокинг С. Цит. Соч. С.123–124.

Александр Вольт объясняет принципы своего электрического столба Первому консулу Франции Наполеону Бонапарту. По рисунку Бертини

ем масс? Современные технологии, выросшие из науки, на деле — не наука. Изменение скорости, массы и направленности движения изменило обычное представление о технике как средстве и орудиях деятельности. Сейчас понятие техники должно подвергнуться скрупулезной разборке (хотя философия техники стала предметом анализа Э. Каппа, П.К. Энгельмайера, Х. Ортеги-и-Гассета, у нас сейчас В.М.Розина, В.Г.Горохова и др.). Но радикально этим озаботился М. Хайдеггер. В знаменитой статье “Вопрос о технике” (1953) он показал, что сущность техники — не в операциях и не в изготовлении. Это место раскрытия человеком того, что скрыто, что можно обналичить в том или ином виде. В этом месте заранее готовится образ, материал и вид какой-либо вещи. Но изготовленный вид (видов может быть много) можно предъявить как само истинное. В этом — корень любого манипулирования, властью ли, народом ли и пр., не говоря уж о трендах и капиталах. Тем более, что в российской действительнос-

ти, изначально не прошедшей схоластического искуса последовательных выводов, рационального рассуждения, строгого анализа, сейчас это чувствуется особенно жгуче, так как реально происходит обвал образования, не успевшего привиться к рациональному истоку мысли. Это своего рода византийство — раз и в дамки. Несамостоятельность техники в том, что она зависит от человека, осуществляющего некое предприятие. Но сам ее исток, поскольку он использован только тем или иным способом и в том или ином виде, от человека независим. То, что было обращено к нему как вызов, может сыграть с ним злую шутку, потому что имеет возможность быть иначе обналиченным на другом пути: ведь никто никого не лишал свободы поиска. В этом смысле использование техники — всегда рискованное предприятие. А потому можно только утвердительно ответить на второй вопрос — наука как бизнес-проект набирает силу.

Сейчас вряд ли кто берет за точку отсчета то классическое по-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

нимание науки как устойчиво существующей структуры знания, из которого устранялись дискуссии, господствовавшее во времена, когда она определялась через предмет исследования и когда доминировала процедура обобщения. Ибо стало очевидно, что ученый в ходе эксперимента меняет свойства предмета изучения, и этот предмет тем самым не является объективно существующим и неизменным. Обобщение сменилось общением, поиски истины — поисками смысла, познание — пониманием, акцент в исследованиях переносится с объекта на субъект, а деятель может одновременно быть наблюдателем или зрителем, т.е. мы действительно имеем “ярко выраженное человеческое измерение”. Казалось бы, в этом пункте действительно размываются границы не столько между истиной и ложью, физическим и ментальным, сколько между научностью и гуманитарностью. Но в этом же состоит и суть происходящих изменений. Сама идея смысла подразумевает не некую данную и одну единственную истину, а то, что обеспечивает и артикулирует понимание. Обращенность к смыслу, как ни странно, сближает его с пониманием всегда артикулируемой, всегда изменяющейся под напором вероятностных суждений истины. Внятное осознание этого обеспечивает смену пониманий. На мой взгляд, термин “*преемственность*” здесь не годится: зачем передавать старое? Смене понимания скорее соответствует следование диалогической логике, логике трансдукции, разработанной В.С. Библером, предполагающей преобразование одного логического мира в другой на условиях взаимообоснования этих логик в точке начала.

Исходя из различия между гуманитарностью и технологией, можно понять причину пробуксовки гуманитарных экспертиз техни-

ческих новаций. Что касается социальных новаций, которые при этом тоже пробуксовывают, то их нельзя отрывать от тех гуманитарно-научно-технических принципов, которые должны базироваться не на одном решении, а на веере вероятных положений. Мне в принципе неясно, почему экспертиза, вырабатывающая “окончательное” решение, должна называться социальной. Выработка идеи демократии, например, должна основываться на пробабилистских вариантах и обсуждениях.

Сложившиеся междисциплинарные направления часто рассматриваются именно как гибридные (смешанные, комбинированные) направления без анализа точек схождения дисциплин. Но это огромная проблема — смешения. Она решалась (и окончательно не была решена) в течение всего Средневековья: как природа Бога могла смешаться с природой человека и быть нераздельной и неслиянной. В одном из последних докладов (“Путь к пробабилистской эпистемологии”) Огурцов говорил о том, что любая самая строгая (“истинная”) теория имеет вероятностный характер относительно другой не менее строгой теории, а потому, на его взгляд, правдоподобие является критерием научного знания. Один из его оппонентов высказал недоумение: абсурдны результаты расчетов, согласно которым у Кеплера вероятность истинности его теории составляет 15%, у Ньютона — 30%, а у Эйнштейна — 80%. Сейчас эту методологическую проблему ученые как “добытки истины” воспримут болезненно, поскольку все стремятся к созданию единой теории (см. выше: Хокинг). Полагаю, что иногда подобное исчисление (не соответствующее мысли “докладчика”) изменяется и к экспертизе социальных новаций.

С.С. АВАНЕСОВ. Терминологическая корректность описания проблемы формирует интеллектуальное пространство ее обсуждения. Последнее должно быть основано хотя бы на минимальном взаимопонимании. Между тем тема “взаимоотношений науки и общества”, как и любая проблема такого рода, содержит проблемность уже в самой своей формулировке: то, что мы пытаемся сопоставлять и соотносить с “обществом”, само является его частью; более того, понятие “общество” с необходимостью включает в себя сферу *научной* деятельности людей. Тогда что с чем мы соотносим и сравниваем? Один фантастический конструкт (наука вне общества) с другим столь же фантастическим конструктом (общество без науки), наделяя их при этом признаками квази-субъектности: общество *предъявляет* науке “запрос”, а наука так или иначе на этот запрос *отвечает*. Очевидно, что эффективность решения проблемы зависит от точности ее формулировки; поэтому обозначенную проблему необходимо проанализировать, прежде всего, на уровне мышления и речи о ней. Даже начало такого обсуждения может дать положительный эффект: ликвидировать иллюзию о способности точно различить общество и науку. Иначе говоря, сам способ обозначения названной проблемы требует научно-гуманитарной экспертизы как факт синхронной нам культуры.

Конечно, наука по-прежнему остается одним из базовых социальных институтов, хотя ее “внутренняя конфигурация” (да и “внешняя” тоже) очевидным образом меняется. Однако адекватно осмыслить это изменение можно лишь в максимально широком контексте, с учетом многочисленных связей и *взаимных* влияний между процессами эволюции науки и разнообразными, многоплановыми культурно-историческими обстоя-

тельствами, в которых эти процессы протекают. Все, что происходит с наукой, происходит в достаточно континуальном социокультурном пространстве, в котором, зачастую, сложно (или вообще невозможно) различить событие, имеющее выдающееся научное значение, и событие, акцентированное повышенным интересом со стороны “общества”. Имея в виду это обстоятельство, предполагаю, что в наше время трансформируется в первую очередь, массовое *представление* о соотношении науки и “общества”: первая все более *очевидно* зависит от второго (хотя, на самом деле, иначе и быть не может). Статус науки как социального института становится все более явным и акцентированным, превращаясь, в конце концов, в популярную фигуру речи. С одной стороны, такая “социализация” и “популяризация” науки должны укреплять ее ценностный статус в общественном сознании. С другой стороны, то, что называется наукой, становится все более публичным и “профанным”, а это позволяет говорить о тенденции к превращению науки в “служанку общественного интереса”, или элемент публичного шоу.

Наука, в том числе и гуманитарная, все более ангажирована “спросом” и “заказом”, которые формируются элитами (финансово-экономическими и политическими группами, причем последние все больше зависят от первых) и стимулируются грантами. Думаю, что такая система прямо или косвенно ориентирует ученого не столько на ответственность перед “обществом”, сколько на отчетность перед грантодателем. Поэтому научные практики приобретают все более выраженные черты “дискурсивности” в постмодернистском смысле. В этом же ключе действуют и основные “организаторы науки”, получая финансирование не под результат, а под процесс; разница в том, что пер-

Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра

Аванесов Сергей

Сергеевич — доктор философских наук, профессор Томского государственного педагогического университета. Главный редактор научного журнала “ПРАΞИМА. Проблемы визуальной семиотики”. E-mail: iskiteam@yandex.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

вый обнаруживается в действительности, а второй — исключительно в профессиональном нарративе. Такое положение дел, тем не менее, активизирует личную позицию ученого по отношению к собственному статусу, включая возможность более или менее свободно контролировать долю имитативности в общем объеме своего труда.

Публичный аспект науки всегда был маркирован с помощью неких отличительных знаков принадлежности к “сословию”; в последнее столетие сумма этих знаков трансформировалась в постоянно расширяющуюся систему ритуальных действий, нормированных сценариями награждений, защит, конференций, презентаций и т.п. Наука в указанном ее аспекте уже стала постоянным элементом социального “спектакля”.

Что же касается пресловутых “истины, добра и красоты”, то настоящая наука никогда не была занята этими проблемами — она занималась и занимается проблемами знания, пользы и эффективности. За истину, добро и красоту “отвечают” другие регионы культуры, и науке вовсе нет надобности брать на себя несвойственные ей обязанности и тем превращаться в псевдо-философию или квази-религию. Если у кого-то сохраняются эти наивные иллюзии насчет науки, то надо их просто преодолеть. Претензии некоторых ученых и им сочувствующих на высшую компетентность в области истины, добра и красоты имеют не научную, а, зачастую, партийно-идеологическую подоплеку.

Наука как реальная социокультурная практика не всегда соответствует *понятию* науки, на нашей памяти и на наших глазах ей случалось срастаться с идеологией и “классовой” мифологией; причем это процесс обоюдный: как массовое сознание склонно руководствоваться коллективными штампами о возможностях или

слабостях науки, так и ученые, зачастую, склонны принимать ходячие суеверия и “мнения” массового человека там, где надо было бы “включить” критическое мышление. Массовое сознание надо очищать от привычки к сакрализации науки, а науку — от внесенных на ее территорию мифологических идеологов. Иначе говоря, необходима регулярная и корректная “чистка” научного сознания от элементов идеологии и мифологии.

Если верно, что наука исторически трансформируется от “классической” модели через “неклассическую” к “постнеклассической”, то и критерии, определяющие саму научность науки, мы можем связывать с тремя базисными вопросами: а) что изучается; б) как, с помощью чего изучается; в) кем изучается. Но если сама эта схема не является “классической” объективистской моделью (в чем я, честно говоря, не уверен), то мы имеем право предположить ее возможное развитие; и следующим логическим шагом в этом направлении будет вопрос: кто стимулирует ученого? Так мы можем обнаружить в конкретном научном результате не только ценностно-идеологические установки исследователя, но и “интерес” заказчика. А это значит, что наука окончательно теряет автономию и превращается в “движущую силу”, реализующую те интересы, которые лежат за ее границами.

При этом век одиночек в науке не может “заканчиваться”, поскольку он никогда и не начинался. Исключения нельзя считать за правило, а правилом в науке, как и в любом другом социальном сегменте, всегда была *школа* (“цех”). Индивидуальность и коллективность должны уравновешивать друг друга; до сих пор наука держалась на этой гармонии. Не вижу иного способа существования науки и в дальнейшем.

А запроса на гуманитарные исследования нет, потому что это

материально невыгодно. Значит, гуманитарная наука последних полутора-двух веков принесла “обществу” именно такой плод. Но разве сама гуманитарная наука не должна отвечать за отношение “общества” к ней? Приходится признать, что отношение к ней со стороны “общества” во многом обусловлено (а иногда и спровоцировано) самой наукой: “общество” стало гуманитарно дезориентированным; а это повлекло за собой и общую дезориентацию, неизбежно ведущую в том числе и к материально-технологическим просчетам. Ведь никакой инновационный план не будет корректно работать, если не учтены и не исследованы все гуманитарные ресурсы, контексты и эффекты его реализации. Ответственность ученого-гуманитария перед сообществом любого масштаба отнюдь не ниже, чем ответственность физика или биолога; это *высшая* мера ответственности, что должны понимать и сами гуманитарии, и остальные ученые, и “общество”.

Но все равно подлинная полидисциплинарность (или трансдисциплинарность) в современной науке может быть достигнута лишь при интеграции гуманитарного знания в комплекс ведущих научных направлений. Давно уже необходимо перенести акцент с дисциплинарной “герметичности” на исследовательский эффект, а его нельзя достичь без анализа гуманитарных (включая экологические) контекстов любого сколь угодно “технологичного” инновационного проекта.

С.А. СМЕРНОВ. Институт науки вообще-то никуда не делся. Другое дело, каков он сейчас и что с ним происходит. Если посмотреть на историю, то институциональные задачи перед наукой встали в XVIII-XIX веках, когда возникла проблема массового производства кадров ученых-исследователей, профессо-

ров, занимающихся исследованиями и подключающих к этой практике новые поколения. Наука становилась все более массовой и движущей силой. И тогда создается классический Берлинский университет А. фон Гумбольдта. Если посмотреть еще ранее, то во времена Ф.Бэкона и Р.Декарта, когда человек понял, что природа познаваема, наука стала все больше отпочковываться от философии и богословия. И хотя природа понималась как аналог Бога и субстанция, а каста ученых была похожа на касту жрецов, охраняющих истину и свое монопольное право на эту истину, — но все же эта эмансипация научного знания от теологического и философского принципиально повлияла на отделение и формирование науки в качестве института.

В XXI веке наука утратила монополию на истину и даже на какие-то знаниевые конструкты. Право формировать мировоззрение, картины мира, влиять на молодые умы теперь имеют самые разные институты и сферы — это и бизнес, и реклама, и ТВ, и интернет. И здесь не стоит уже вопрос о том, кто прав, кто ближе к истине — именно потому, что в ситуации постнеклассической парадигмы в науке смещается акцент с проблематики познания и истины на проблематику ценностей, целей, ориентаций разных производителей и потребителей разного рода информационных потоков и знаний. А стало быть, производство знаний перестает быть самоцельным и самодостаточным занятием.

В силу сказанного выше становится понятным, что, коль скоро знание — конструкт, создаваемый под проект и под заказ, то научные проекты все больше и больше встраиваются в большие мегапроекты и программы развития (стран, отраслей, сфер жизнедеятельности, территорий, городов). И ученый здесь становится больше похож на конструктора-проект-

Смирнов Сергей Алевтинович — доктор философских наук заведующий лабораторией стратегических и форсайтных исследований Новосибирского государственного университета экономики.
E-mail: Smirnoff@yandex.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

тировщика, чем на искателя истины. Он должен уметь производить знаниевые конструкты, выстраивая горизонтальную коммуникацию с разными игроками, заинтересованными субъектами, теми, кто контролирует ситуацию развития: представителями власти, бизнеса, социума.

Другое дело гуманитарные науки, отвечающие за гуманитарное знание, за состояние человека, социума, культуры. Здесь ситуация еще сложнее, поскольку в условиях отсутствия единственной картины мира и одной онтологии, в ситуации мира миров и коммуникации разных концептов, представлений встает задача удержать целое и формировать антропологические, гуманитарные опоры. В противном случае мир без этих опор ввергнется в погоню за эффективными техническими устройствами. Поэтому все более актуальными становятся практики проведения гуманитарных общественных экспертиз проектов и программ развития, в которых ключевую роль должны играть представители гуманитарных наук, хотя деление на естественные и гуманитарные науки уже давно является условным.

А век гуманитариев-одиночек действительно ушел. Двадцатое столетие показало, что на первом месте в науке находятся крупные мегапроекты (атомный, космический, освоение мирового океана, БАМ; сейчас запущен проект “Сила Сибири” и проч.). Но никто не отменял необходимость дальнейшего развития и формирования научных школ и направлений. Никакие индустриальные проекты в СССР не были бы возможны без вполне эффективного инженерного образования и наличия крупных инженерных школ.

В этом смысле важнейшей задачей становится поддержка научных школ как тех опор и крепостей, которые и держат институт науки. И здесь нужно решать

принципиальные вопросы, связанные с преодолением научной бюрократии. Необходимо ограничить монополию РАН в науке, господство феодальных установок в академгородках. Научная школа не должна превращаться в феодальное владение сюзерена-академика. Скажем, академик Лаврентьев или академик Королев в свое время не были таковыми сюзеренами. Они были держателями крупнейших проектов — локомотивов развития. А у нас право ученого-академика и поддержка его научных заслуг превращается в вечное пожизненное право принимать решения, распоряжаться ресурсами и т.д. Здесь критерий сместился. Вместо того, чтобы заниматься научными проектами, академики делят ресурсы, пытаются сохранить свое status quo и ратуют за то, чтобы все было как и раньше и чтобы государство подкинуло побольше денег. Но если деньги давать на умирающую структуру, исходя из прошлых заслуг ее основателя, то она рано или поздно превращается из института развития в его тормоз.

Потому пробуксовывает и серьезная гуманитарная экспертиза крупных проектов, поскольку не поспевает за быстрым ростом новых технологий, экономик, производств, динамика которых связана, в числе прочего, с глобальной конкуренцией и глобальным характером крупных мегапроектов. Например, сегодня в городах невероятно быстро увеличивается число аптек. Этот процесс стимулируют фармацевтические компании, которые строят медицину по схеме таблеточной индустрии. Выпей таблетку — и тебе будет хорошо. Это удобно, быстро, выгодно. Они против профилактической медицины. Против медицины самооздоровления. Такая модель невыгодна. Между тем именно профилактическая медицина, медицина будущего, основана на гуманитарной экспертизе, которая,

кстати, мешает быстрой коммерциализации.

Крупные гуманитарные проекты трудно реализуются потому, что затрагивают корневое — самого человека, автора этой глобальной мировой динамики. Именно потому, что, как давно уже показал Д. Медоуз, у экстенсивного развития есть “пределы роста”. А чтобы развивать иную модель мировой экономики, надо отказываться от производств, основанных на трате невозобновляемых источников энергии. А значит, нужны иные модели экономик, “умных городов”, умных технологий, нужно создавать иную культурную среду обитания и иную власть, которая основана на субсидиарной ответственности и горизонтальных моделях принятия решений. Эти модели радикально невыгодны вертикали власти, которая доминирует везде — и в государственных структурах, и в научной бюрократии (той же нашей РАН), и в любой бюрократии, включая ТНК, крупнейшие холдинги и сетевые корпорации.

Подобные вертикали и сети не нуждаются в автономных горизонтально организованных миллионах самостоятельно мыслящих личностей. Идет борьба между этими трендами. Какая модель будет более успешной, зависит от того, какой базовый сценарий выберет для себя человек: суицидальный сценарий ухода под воздействием передовых технологий и замены себя постчеловеком или сценарий антропологической альтернативы, то есть сохранения человека с родовыми качествами, но использующего передовые достижения науки и технологий.

М.С. КИСЕЛЕВА. Гуманитарные науки опять переживают кризис. Но это почти нормальное состояние гуманитарных наук. Когда кризиса не было? Однако дело не в спасении истины, добра и красоты, а вместе с ними — старого об-

раза и образца науки. Дело в том, *каким* станет общество, культура и человек, если миру гуманитарности будет отказано в дальнейшем существовании. Это лишь одна сторона вопроса. Другая — возможно ли отстаивать будущую гуманитарность как востребованную профессиональную сферу. Сегодня вектор движения, кажется, понятен — прежде всего, по технологическим причинам. Эпоха Гуттенберга, породившая социальную востребованность гуманитарного знания и способствовавшая формированию его дисциплинарности, завершается на наших глазах. Интересы современных элит, владеющих рынками и определяющих политику, не могут не влиять на приоритеты научных исследований. Наука интересна, прежде всего, практическими результатами, которые пойдут в дело, — их можно использовать для нужд власти, решающей управленческие экономические и политические задачи. В этой ситуации весь комплекс “истина, добро и красота” переходит в разряд ценностей “по умолчанию” или преобразуется в духе философии прагматизма по причине “веры” в их полезность или бесполезность.

Сегодня *полезность* более всего объединяет потребности социума и научного знания; причем, смысл ее совсем другой, нежели тот, что был известен утилитаристам в Англии XVIII века. Новое содержание этого понятия никак не связано с основаниями христианской культуры, продуцировавшей общечеловеческие ценности, в том числе и те самые “истину, добро и красоту”. Теперь “полезность” работает в новой мировой системе — глобальной. Глобальность не нуждается в признании ценности человека как представителя человеческого *рода*: слишком масштабен и горизонтален разрыв. Глобальная мировая система интересуется территориями, ресурсами, управлением потоками

Киселева Марина

Сергеевна — доктор философских наук, профессор, заведующая Сектором методологии и междисциплинарных исследований Института философии РАН.
E-mail: markiseleva@gmail.com

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

(энергетическими, финансовыми, товарными и т.д.), принадлежностью к структурам — но не далее проблем идентичности социальных групп. Здесь — внимание к количественным показателям, к ВВП, например, и др., но не к качественным, да еще таким культурно-зависимым. На глобальном планшете гуманитарное знание рисуется как сопровождение программ ЮНЕСКО, не более. События последнего года наводят на мысль, что сам человек менее всего ценен в глобальном мире, его родовые (тварно-божественные или природно-генетические) субстанциональности, которые в прошлых культурах были регуляторами социума, “удалены в корзину” за ненужностью или подвергаются глобальному редактированию: человек заменен “пользователем”, “членом группы”, “агентом” и т.д и т.п.

Каковы были реакции гуманитариев на этот миропорядок, когда он только стал устанавливаться и развиваться? Мне представляется, что постмодернизм в гуманитарном знании был радикальной реакцией. Это направление — мимикрия, подстраивание под изменившийся мир, *превращение* гуманитарного знания (вспомним гениальное провидение Ф. Кафки — “Превращение”). Гуманитарий последнюю четверть века перерождался активнейшим образом в социолога, политолога, культуролога и т.п., делал незнакомое лицо при встрече с “историческим фактом”, “литературным произведением”, “философской системой” и проч., и проч., перелицовывая старое знание как старое пальто, чтобы все же на свой век хватило, что поносить. Вместе с перелицовкой были утеряны “бывшие” — “автор”, “герой”, “писатель”, “историческое событие” — все то, что связано со старой и скучной гуманитарной наукой, с ее всем надоевшим “комплексом полноценности” пресловутой истины, добра и красо-

ты. Что же было предложено миру без них? Во что превратилось гуманитарное знание? Во всякое... Например, в возвышенный исторический опыт или в метафоры, за которыми можно много что прочитать, или в тексты, “читающие читателя”, или в концептный “пат”/“мат”/“откат”, или в “позы” (из последних отечественных, к примеру, “поза логоса”...) и другие самые разные телесные образования. Этот мировой “превращательный процесс” гуманитарного знания оказался, как видим, по плечу и российскому гуманитарю. Он тоже умеет написать интересно (или неинтересно), увлекательно (или зауменно), но, в любом случае, дерзко и молодо, создавая свое “НЛО” как новое отечественное гумпространство, сдобривая его вовремя сделанными обильными переводами. И это — замечательно, ибо свидетельствует о попадании в глобальную постмодерную гуманитарность.

В этом мейнстриме последней трети XX и первых десятилетий XXI веков были, разумеется, разные объединения и разъединения, направления, одиночное и парное сочинительство, более приближенное к академическому труду, преподаванию и исследованию, или совсем удаленное от него. Приведу один из важных для дальнейшего движения гуманитарного знания примеров академического постмодернизма. С середины 70-х годов до конца XX века в англоязычной социально ориентированной гуманитаристике⁷ бурно протекала “короткая история” культурных исследований, чрезвычайно разнообразная и насыщенная проективной междисциплинарностью. Ее резюме дал Джон Хартли в известной работе “A Short History of Cultural Studies (2003). “Что представляли собой культурные исследования? Это была философия полноты. Это были исследования, посвященные

⁷ Начало было положено в Бирменгемском университете, затем подключились многие гуманитарии, социологи, антропологи и др. из Англии, Америки, Австралии.

Труд преклоняется
перед наукой.
Картина Гуго
Фогеля

изучению разрастающегося разнообразия человеческой деятельности (в период нарастающей глобализации, корпоративной экспансии и технологической опосредованности этой деятельности); ансамбль концепций, связанных с проблемами власти, значения, идентичности и субъективности в современных обществах; совокупность усилий, направленных на обнаружение и реабилитацию маргинальных, притесняемых и отброшенных на обочину регионов, идентичностей, практик и средств коммуникации; критическое предприятие, посвященное подрыву, децентрализации, демистификации и деконструкции здравого смысла, поддерживающего доминирующие дискурсы; практика активной включенности в интеллектуальную политику — производство различий внутри идей, по отношению к идеям, посредством идей. Это было также и издательское предприятие, сформированное деятелями культуры — как в академической сфере, так и в печатной индустрии.

Культурные исследования были тем, чем их считали те, кто их практиковал и публиковал⁸.

Как я понимаю, Cultural Studies сделали важное дело — инициировали появление “другого гуманитария”, не столько борющегося *против* ценностей старой гуманитарной науки, сколько осознавшего, что право на профессию может отстаивать только он сам, что за гуманитарный мир надо бороться, что необходимо защищать достоинство гуманитария как профессионала, обладающего нужными обществу знаниями. Так был придан новый импульс направлению, стартовавшему еще в конце 40-х годов XX века под названием “гуманитарные вычисления”.

К началу XXI века полученные результаты были положены в основу разработки нового направления “Гуманитарные науки 2.0”, чьи положения зафиксированы в свободной форме, не без юмора и почти на сленге в “The Digital Humanities Manifesto 2.0.”⁹ Междисциплинарность этого проекта — совершенно другого уровня,

⁸ http://www.hse.ru/data/2014/08/07/1314183926/WP6_2014_03_.pdf. (Перевод Б.Е. Степанова)

⁹ http://www.humanitiesblast.com/manifesto/Manifesto_V2.pdf.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Артемьева Татьяна Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.
E-mail: tatart@mail.ru

чем в Cultural Studies. Она глубоко фундирована новыми компьютерными технологиями и объединяет при их посредстве самые разнообразные гуманитарные (и не только!) научные дисциплины, создавая широкие междисциплинарные связи и возможности. В Манифесте приведено простейшее руководство для готовых работать в проекте гуманитариев, состоящее из пяти позиций: “1) не ныть; 2) комментировать, увлекаться, возражать, распространять слово; 3) вбрасывать идею; 4) присоединяться; 5) двигаться дальше”. Ключевые слова этого проекта диктуются “цифровым инструментарием” (коллаборативные базы данных, геотэинг, визуализация, интеллектуальный анализ данных — data mining, интеграция мультимедиа и текста), быстро осваиваемым в научных средах многих стран мира, дающим “динамичный научный продукт”. Е.Ю. Журавлева в своих статьях об этом проекте (в “Вопросах философии” 2011–2014 годах) пишет о 114 центрах цифровой гуманитарной науки в 24 странах. Лидерство здесь принадлежит США (44 центра), поделившим на это 15 млн. долл. в 2007–2011 гг. Складывающееся новое поле междисциплинарности предъявляет требования к тому, что называют командным методом работы. В нем участвуют не только гуманитарии, но и представители самых разных областей знания: технологи, дизайнеры, естествоведы, менеджеры, распространяя его результаты как в науке, так и в образовательных технологиях, а также в цифровой издательской деятельности, предлагающей новые форматы книг — “e-book” и др. Важна также экспертная работа внутри данных проектов, которая способствует сохранению проверенной и достоверной информации, представляемой участниками проекта.

Понятный вопрос: сделано ли что-то в этом направлении россий-

скими гуманитариями? Две информации. Первая касается филологии: на 42-м ежегодном съезде Шекспировской ассоциации Америки (10–12 апреля 2014 года) были представлены три Интернет-проекта: “Русский Шекспир”, “Мир Шекспира” и “Современники Шекспира”, созданные тремя учеными из Москвы и Казани. Это был первый опыт участия российских ученых в формате так называемой “цифровой комнаты” (digital room). Вторая информация касается истории. С 1992 года в России действует “Ассоциация история и компьютер (АИК)” ; последняя XIV конференция прошла в октябре 2014 года. (Вообще же, в России в среде историков и политологов в большей степени, чем среди филологов (думаю, что это временно), работают лаборатории цифровых гуманитарных наук.

Как видим, цифровая гуманитаристика, безусловно, направлена на обновление и развитие современного гуманитарного знания, она же способствует продуктивной встрече разных поколений ученых в новом гуманитарном пространстве. Но самое важное, на мой взгляд, что отличает этот способ работы — взаимное доверие, профессионализм и такие обязательства ученых в их работе, которые, с одной стороны, позволяют предполагать, что старые ценности “истины, добра и красоты” все же сохранены и работают в гуманитарном сообществе, а с другой — что зависимость от сугубо идеологических заданий властных элит может быть минимизирована. О философии же и ее перспективах, думаю, нужно говорить отдельно.

Т.В. АРТЕМЬЕВА. *Доступность знания — зло или благо?*
Современный исследователь сталкивается с парадоксальной проблемой. Раньше он добывал знание по крохам, оно запоминалось, конспектировалось, аккумулиро-

валось и хранилось как общественное и личное достояние. Демонстрация накопленного знания, а также его приумножение считалось почтенным и важным занятием. Книжники, энциклопедисты, знатоки, эрудиты, “библиотечные черви” ценились во все времена. К ним прислушивались, с ними консультировались, они волновали умы и учили молодежь.

Книгопечатание несколько пошатнуло авторитет эрудитов. Знание стало тиражироваться, распространяться, приближаться к тем, кто желал его получить. Появились обширные библиотеки, частные хранилища, энциклопедические издания. Но ориентация в старинных и редких изданиях, больших объемах информации по-прежнему требовали особого склада ума, обширной памяти и физического присутствия в пространстве библиотеки.

“Оцифровывание” знания и заполнение им интернет-хранилищ — сайтов, блогов, социальных сетей, цифровых библиотек, а также доступность и легкость интернет-публикаций — позволило потокам информации прорвать плотину упорядочивающих структур в виде научных институтов, редакций, издательств, университетских кафедр. Оно превратило собрание ценных вин, бережно хранимых в покрытых патиной бутылках, и охраняемые жрецами кристальные родники целебных источников в бурные потоки, где драгоценные напитки перемешаны с мутной и подозрительной жидкостью.

Жажда знания утоляется с легкостью, но только если вы неразборчивы. На любой вопрос даются сотни ответов, и как выбрать из них правильный? Эксперт с легкостью определит, где в бочке дегтя прячется ложка меда, но как стать экспертом?

“*Digital Humanities*” — как не запутаться в мировой паутине. Одно из наиболее динамично развивающихся и востребованных направ-

лений сегодняшней науки — *Digital Humanities* (DH), цифровая гуманитаристика, предполагающая осмысление новых способов хранения и распространения информации. Одна из важных проблем DH — определение достоверности источника. Это первое чему должен научиться современный исследователь и первое, чему преподаватель должен научить своих студентов.

Очевидно, что достоверными источниками информации могут являться сайты научных институтов; университетские сайты, которые, кроме содержательной информации часто содержат подробные программы читаемых там курсов; сайты библиотек, особенно крупных национальных библиотек, музеев, научных обществ и научных журналов. Все эти источники могут считаться достоверными и не требуют особых комментариев.

Кроме того, можно назвать ряд интернет-источников, пользование которыми требует профессиональных рекомендаций. Вот лишь некоторые типы подобных источников.

- Сетевые энциклопедии. Помимо таких признанных электронных (или оцифрованных) изданий, как Британская энциклопедия (Britannica.com), Интернет-энциклопедия по философии (The Internet Encyclopedia of Philosophy <http://www.utm.edu/research/iep/>), Новая философская энциклопедия (<http://iph.ras.ru/enc.htm>), Энциклопедия “Кругосвет” (<http://www.krugosvet.ru/>), существует масса других не всегда достаточно качественных для того, чтобы использовать их в научном исследовании, или образовательной деятельности. Некоторыми энциклопедиями, например сверхпопулярной Википедией (<http://wikipedia.org>) нужно уметь пользоваться, понимая, что именно можно извлекать из ее статей, а к чему относиться осторожно и перепроверять. Но, безусловно,

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

полезными могут быть ссылки и систематизации, которыми так богаты статьи Википедии, иллюстративный материал.

- Цифровые библиотеки. Их много, но нужно выбирать именно такие, которые дают научные (и легальные!) публикации. Среди них — глобальные проекты универсальных библиотек на разных языках *Google Books* (books.google.com), *Europeana* (<http://europeana.eu>), *Project Gutenberg* (gutenberg.org), *Questia Online Library* (www.Questia.com), *World Digital Library* (www.wdl.org), научные библиотеки, публикующие классическую и научную литературу, а также исторические источники на русском языке — Президентская библиотека имени Б.Н.Ельцина (<http://www.prlib.ru>), *ImWerden*, Некоммерческая электронная библиотека (<http://imwerden.de>), Руниверс (<http://runivers.ru/abo.php>), ФЭБ Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (<http://feb-web.ru/>), *Lib.ru*: «Классика» (<http://az.lib.ru/>). Кроме того, ряд ресурсов публикуют научные статьи, например *JSTOR* (www.jstor.org).

- Сайты частных лиц, неформальных объединений, неправительственных организаций. Многие из них (но далеко не все) содержат тщательно отобранную, редкую информацию, например, Сайт Екатерины Кисловой (<http://ekislova.ru>), «Хронос» Всемирная история в интернете (<http://www.hrono.ru>), Российский мемуарий (<http://elcocheingles.com/>), Старые газеты (<http://www.oldgazette.ru/>) и др.

Академический кабинет — навигация в мире виртуального знания. После многолетнего блуждания в море информации небольшой, но сплоченный коллектив ученых из Санкт-Петербурга попытался создать навигатор академических ресурсов, которыми мы пользуемся сами и рекомендуем своим студентам. Сайт «Академи-

ческий кабинет» (<http://www.netcabinet.ru>) предназначен для создания интеллектуальной среды гуманитариев.

Сегодня жизненно важным стал не столько поиск информации, сколько отделение зерна доверенного знания от плевел случайного. Пространство «Академического кабинета» дает такую возможность. Оно не заменяет творческий поиск, но помогает ориентироваться в запутанных сетях всемирной паутины. Кроме полезных (и проверенных!) ссылок для преподавателей и студентов на интеллектуальные ресурсы и удобных опций по их поиску, он содержит также информацию о новостях академической жизни — научных конференциях, семинарах, фондах, грантах, стажировках, вакансиях.

Мы также публикуем там полезные статьи, которые помогают нашим студентам и аспирантам в написании работ.

Виртуальное пространство обладает особыми свойствами. Оно бесконечно делимо и части его равны целому. Поэтому в стенах виртуального кабинета никогда не будет тесно. Возможно, именно создание таких «обжитых сетевых пространств», виртуальных кабинетов поможет современному исследователю оптимизировать свой поиск и наслаждаться знакомством с новым знанием без особых усилий.

С.М. КЛИМОВА. Привычная оппозиция гуманитарных и естественных наук давно стала тривиальной и для научного анализа малоинтересна. Ни для кого не секрет, что, несмотря на фундаментальный характер многих гуманитарных дисциплин (классической филологии, философии, истории и т.д.), интерес к ним со стороны финансирующих институций исчезающе мал. А тип гуманитария, страдающего «о времени и о себе», и скорбящего о грядущей

Климова Светлана Мушаиловна — доктор философских наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: sklimova@yandex.ru

гибели человечества от потери человечности в условиях непрерывно технологизируемого, автоматизируемого и маркизируемого мира и т.п. — столь же привычен, сколь и безразличен для широкой аудитории. Впрочем, некоторые гуманитарии, напротив, радостно приветствуют близящееся крушение классической науки — этой “башни из слоновой кости”; другие, наоборот, провидят ужасающие последствия близящейся утраты ею своего фундаментального и прикладного статуса, потерю идей самозначимости, бескорыстного служения истине и обществу, замену “науки” “технонаукой”, печальные перспективы не успевших или не пожелавших коммерциализироваться областей научного знания. Наконец, появилась и конъюнктурная позиция “микшированного дискурса”, когда удачное использование технических (да и каких угодно) терминов дает возможность неплохо зарабатывать на “гуманитарно-социальных” нано — масс-медиа — форсайт — и пр. технологиях, употребляя маловразумительные слова, совсем уж невразумительно сцепленные в причудливые связки. Но все эти технологии остаются симулякрами, как им и положено быть по статусу “техногенных человекообразных систем”.

Если же обратиться к нынешней официальной государственной терминологии и программным установкам, то гуманитарии окажутся аутсайдерами по всем направлениям отечественной науки и образования. Из шести приоритетных, с точки зрения государственной поддержки, направлений нет ни одного, даже терминологически связанного с “человеком” или “личностным актом”. В документах Минобрнауки о реформах в области образования, “человекосоразмерная” терминология ограничивается исключительно прагматическим взаимодействием субъектов, кругом “поставщиков

и потребители услуг”, “выбором” научных продуктов, брендов, то есть “покупкой” и “продажей” (зачастую, за бесценок) преподавателей, ученых, вузов. “Истина, добро и красота” не могут быть, операционализированы, по определению. [Впрочем, Т.А. Артемьева, М.С. Киселева приводят примеры успешные, с их точки зрения, попытки “поверить алгеброй гармонию”].

Сходная ситуация отмечается и многими западными гуманитариями, которым все труднее отстаивать приоритеты идей, содержательность предметов, значимость родного языка и культуры в европейском научном пространстве. Но им, хотя бы, удается порой “быть в тренде” и, одновременно, заниматься реальной наукой, дающей приращение нового знания.

В 2009–2010 годах финские социологи из университета Тампере провели в ряде вузов страны два масштабных исследования, одно количественное, другое качественное. Первое включало онлайн-опрос глав факультетов и научных объединений всех финских университетов; второе представляло собой глубинные интервью с отдельными университетскими учеными¹⁰. Рассматривались пять ключевых аспектов исследовательской работы: финансирование; выбор научно-исследовательской темы; сотрудничество; целевая аудитория, на которую рассчитаны результаты исследования; типы отчетности (публикации, популярные серии, технические отчеты и пр.). В итоге исследователи, опираясь на вполне рыночные категории и используя столь же рыночный дискурс, выделили **пять типов научно-исследовательских рынков**, у каждого из которых своя логика, своя система ценностей, цели, предназначение, аудитория и разные типы отчетности:

- академический рынок;
- корпоративный рынок;

¹⁰ Ylijoki O.-H., Lyytinen A., Marttila L. Different research markets: a disciplinary perspective// (Higher Education (2011) 62: 721–740. Published online 4 February 2011. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s10734-011-9414-2#page-2>

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

- политический рынок;
- рынок профессиональных знаний;
- общественный (гражданский) рынок.

Ученые опровергают представление о каком-то единственном, “эксклюзивном рынке” для научных результатов, превращающем науку целиком в “служанку” индустрии (коммерческих структур). Оригинальность авторских выводов основана на идее *разнообразия* научных рынков для различных знаний, дисциплин, в разной степени отвечающих за перспективы развития страны, общества, экономики и самой науки.

Академический рынок основан на традиционных этосе и идеалах науки, подчеркивает важную роль академической науки самой по себе. Его целью является саморазвитие науки и продвижение научного знания как самоценности. Этот интеллектуальный ареал признается всеми, но особенно он важен для естественных наук. “Вопреки общепринятому мнению, что сегодня целиком доминирует заинтересованность в коммерческом использовании ... показано, что интерес в академической науке не исчез... Традиционные ценности и научные практики, сформированные академическим рынком, глубоко укоренены в университетах”. В данном случае ориентация на фундаментальное знание представлена, прежде всего, в гуманитарных и естественнонаучных дисциплинах. Здесь важнейшим показателем компетентности ученого является признание значимости его работ в академической среде.

Корпоративный рынок тесно связан с техническими науками, более других ориентирован на экономические параметры, заказы со стороны корпораций и коммерциализацию своей деятельности. Очевидно, что этот рынок, в отличие от академического, не имеет гуманитарного “приложения” в принципе.

В отечественном же научном сообществе, при отсутствии понимания диверсификации и спецификации научных рынков, все рассуждения ведутся в терминах именно данного “рынка”: в терминах коммерциализации и корпораций.

Политический рынок, с точки зрения полученных исследователями данных, есть “производство политически значимых знаний, которые связаны с обслуживанием государственных интересов и идейным внедрением принятых политических решений”. Он ближе всего к социальным наукам (образование они относят к этой же области) и медицине, ориентированным на обслуживание интересов государственных служб, министерств здравоохранения и образования, являющихся их целевой аудиторией.

Рынок профессиональных знаний напрямую отражает нужды практики, интересы профессиональных сообществ: учителей, врачей, юристов, медсестер; связан с усовершенствованием профобразования и практических навыков, необходимых специалистам-профессионалам. “Здесь вновь главное место уделено медицине и социальным наукам, ... хотя и все остальные науки в разной степени связаны с практикой”.

Наконец, *общественный (гражданский) рынок*, для которого целевой группой выступают рядовые граждане, общество и личность в широком смысле слова, нацеливает науку на изучение сфер и уровня информированности населения, контент-анализ его проблем (удовлетворенности материальным положением), частных и общественных интересов (духовно-нравственных запросов), поиск путей повышения и развития интеллектуальных возможностей граждан. Заниматься этим призваны, главным образом, **гуманитарные** науки, хотя в известном смысле “общество” — объект всех наук. Авторы оценивают потенци-

ал упомянутого рынка, как минимально-коммерциализированный, поскольку никакой развитой ресурсной базы у него нет. Однако именно он наиболее последовательно позиционирует самооценку и значимость гуманитарной науки как производительной силы общества. Хотелось бы добавить, что на этой “агоре” происходит самое главное гуманитарное действие: получение субъектом знания о субъекте, осмысление природы “идолов разума и чувств” и поиски путей “очищения”, исследование взаимоотношения индивидов, сообществ, миров и культур, то есть познание специфики человека с последующим определением его культурных и исторических перспектив и границ.

Для финских коллег, как и для многих отечественных ученых, бесспорна истина, что *научно-исследовательских рынков* много, и они по-разному организуют научно-исследовательскую работу, вступая друг с другом в конкурентную борьбу и соревнование, прежде всего, за статус и источники финансирования. Границы между ними так же подвижны, как и границы между фундаментальными и прикладными исследованиями. Но от этого не уменьшается их значимость. Необходимо партнерское взаимодействие различных научных областей.

М.А. МАНУИЛЬСКИЙ. Я бы хотел сосредоточить внимание на одном из важнейших аспектов темы — гуманитарном сообществе. Даже внутри его самого преобладает представление об аморфном, неопределенном характере данной институции; в массовом сознании образ гуманитария ассоциируется с ученым-затворником; властные структуры рассматривают гуманитарное сообщество как собрание вечно недозволенных, назойливых критиков принимаемых решений. При этом все и всегда постоянно, к месту

и не к месту с гордостью производят имена великих отечественных мыслителей-гуманитариев как символов идентичности и самобытности.

Саморепрезентация отечественного гуманитарного сообщества, действительно, неоднозначна. С одной стороны, широко распространен жанр интеллектуальных биографий и автобиографий. С другой — взаимоотношения внутри сообщества, паттерны связей, институциональная организация исследований — темы, явно обойденные исследовательским вниманием. Так, в очередном номере реферативного журнала “Социальные и гуманитарные исследования. Сер. 8. Науковедение” из 32 рефератов только два посвящены отечественной гуманитаристике; остальные — науке за рубежом. Фирменным знаком отечественной гуманитаристики выступают не институции (наподобие Физтеха) и не школы (хотя они и были в нашей истории — Тартуская семиотическая школа, например), а персоналии: В.С. Соловьев, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, А.Ф. Лосев, Д.С. Лихачев, И.Т. Фролов и др. Памяти их и еще десятка-двух мыслителей ежегодно проводятся конференции, издаются сборники. Именно формат “чтений” стал в последние два десятилетия важнейшей формой самоорганизации гуманитарного научного сообщества. Постоянное и систематическое обращение к творчеству выдающихся отечественных мыслителей — одно из свидетельств высокого эвристического потенциала российской гуманитаристики. Уместно задаться вопросом — почему он так мало востребован?

Проблемы нашего гуманитарного сообщества можно разделить на *внутренние* (недостаточная самоорганизация, отсутствие гибких и эффективных форм организации перспективных иссле-

Мануильский Максим Анатольевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: manuilskiy@mail.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

дований, слабая кодификация моральных регулятивов научной деятельности, частая смена критериев ее оценки, невнятная грантовая политика) и *внешние* (неумение представить свои интересы, запросы и результаты на языке субъектов, принимающих решения, стремление любой ценой получить “заказ” или спонсорскую помощь; отсутствие четкой долгосрочной государственной научной политики и, как следствие, перекосы и диспропорции в финансировании).

Одной из главных проблем является отсутствие обоснованных долгосрочных целей научной политики. Зачастую такие ориентиры определяются геополитическими установками, в основе которых — не трезвый расчет, а эмоции. Сегодня перед наукой, в том числе гуманитарной, ставится задача получать результаты, имеющие международное значение: журналы нацелены на то, чтобы войти в международные индексы цитирования, системе образования предлагается создать сколько-то университетов мирового уровня и т.п. На деле же от исследователей требуется одно — соответствовать стандартам англоязычной науки. Недавно Министерство образования в лице НП “НЭИКОН” проводило конкурс отечественных журналов. Среди основных критериев “успешности” — число публикаций на английском языке. Что это дает отечественной науке? Нынешнее поколение продвинутых гуманитариев прекрасно ориентируется в англоязычной литературе и без российских журналов. Это, во-первых. Во-вторых, задача интеграции в мировую науку — не единственно актуальная. Не менее важно сохранение и развитие традиций отечественной гуманитаристики. А это невозможно без совершенствования и углубления русскоязычного научного дискурса и его тезауруса. Впечатление, что организаторы конкурса

вообще не думали о том, что журналы могут и должны сделать для отечественной науки. В перечне критериев не нашлось места такому показателю, как количество подписок на журнал в библиотеках и вузах. Между тем по числу подписок можно судить, насколько эффективно издание выполняет свою основную функцию — *коммуникативную*.

Коль речь зашла о коммуникации и языке, следует отметить еще одну застарелую болезнь отечественной гуманитаристики — засилье наукообразной лексики как внутри сообщества, так и в диалоге с обществом, управленческими структурами. С помощью сложных, малопонятных даже посвященному фигур речи авторы пытаются продемонстрировать необыкновенную значимость и актуальность собственного проекта. Подобные “новации”, хочется верить, по незнанию поддерживаются грантодателями. “Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека” — так называется проект одного из победителей конкурса 2014 года на получение гранта Российского научного фонда с солидным финансированием. Напрашивается историческая фраза: “Совершенно верное суждение в мыслях своих иметь изволите!”.

Экспертиза проектов, предлагаемых как в недрах самого сообщества, так и за его пределами, — один из наболевших вопросов. Сегодня только ленивый не настаивает на ее необходимости в самых различных сферах. Но мало кто владеет ее концептуальным аппаратом и технологией. Любая критическая оценка по какому-либо конкретному поводу позиционируется высказавшим ее автором в качестве экспертизы. Типичный пример — полеми-

ка с представителями трансгуманизма. Почему-то критика их проективных моделей считается не научной дискуссией, а гуманитарной экспертизой.

С одной стороны, контуры гуманитарной экспертизы очерчены весьма приблизительно. С другой — отсутствуют анализ и обобщение реально проведенных мониторингов и исследований. Между тем подобный опыт имеется. Достаточно вспомнить широкое обсуждение школьной реформы, Единого государственного экзамена, реформы высшего образования. Справедливости ради надо сказать, что высказанные в процессе дискуссий оценки и предложения, отвергнутые в свое время реформаторами, спустя какое-то время, пусть с опозданием, но были приняты. Например, в выпускные экзамены по литературе возвращено сочинение, на чем настаивали многие специалисты (правда, не обошлось без указующего слова Верховного главнокомандующего). Есть и более свежие примеры. Недавно проводилась социогуманитарная экспертиза одного из направлений реформирования государственного управления и государственных структур. Одна из задач анализа заключалась в том, чтобы выявить социально-гуманитарный контекст взаимодействия государственных/муниципальных органов и граждан, в частности, их повседневной коммуникации. Результаты экспертизы опубликованы¹¹. Другое дело, что из публикации не ясно — повлияли ли высказанные критические замечания на реализацию проекта. В целом же можно констатировать: в гуманитарном сообществе накоплен значительный потенциал конструктивного сотрудничества с обществом и пора отлаживать конкретные механизмы такого взаимодействия.

И еще одно немаловажное для гуманитарного сообщества

обстоятельство. В последнее десятилетие в стране широко распространились разного рода корпоративные (профессиональные) кодексы. Соответствующие регламенты имеют сотрудники Министерства внутренних дел, государственные (муниципальные) служащие, адвокаты, представители ряда других профессиональных сообществ. Создателями регламентов выступают гуманитарии — юристы, психологи, социологи. Между тем само гуманитарное сообщество до сих пор не обзавелось собственным профессиональным кодексом. Речь идет не о программном документе типа “Декларации прав культуры”, предложенной в свое время Д.С. Лихачевым. Под этим манифестом подпишется любой гуманитарий.

Наука, в том числе гуманитарная нуждается в системе добровольно принимаемых и разделяемых членами сообщества нормативов и правил, задающих ценностный смысл деятельности ученого, его ответственность перед коллегами и обществом, регламентирующих неформализованные алгоритмы общения и поведения. Сегодня, когда риски негативных последствий вмешательства в человеческую жизнь и человеческое общежитие многократно возросли, создание и принятие подобных сводов правил особенно актуально. Насколько мне известно, последняя более-менее успешная попытка в данном направлении была предпринята три десятилетия назад, когда по инициативе Т.И. Заславской и В.А. Ядова был разработан и принят “Профессиональный кодекс социолога”. Во многом это оказалось декларацией о намерениях и документ, к сожалению, не способствовал консолидации научного сообщества. Сейчас существуют две “большие” и несколько мелких социологических ассоциа-

¹¹ Шмерлина И.А. “Услуга”. Семантика концепта и логика российских реформ // Социологический журнал. 2013. № 2.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Институт научной информации по общественным наукам. 1 февраля 2015 года

ций, каждая из которых руководствуется своим уставом. Осознание членами гуманитарного общества наличия в нем общезначимых ценностей, целей и норм — непереносимое условие плодотворного развития гуманитарного знания.

“Завтра” гуманитарного знания напрямую зависит от “сегодня”. Эта истина совсем недавно получила подтверждение, к сожалению, трагическое. 31 января 2015 года в здании Института научной информации по общественным наукам случился пожар. Это — сильнейший удар по общественным наукам, катастрофа национального масштаба, последствия которой мы будем ощущать еще очень долго. Библиотека насчитывала примерно 15 млн. единиц хранения — книги, журналы, газеты, документы. Многие издания были поистине уникальными. Автор в первой половине 1970-х годов служил под началом выдающегося отечественного библиографа, знатока книги Григория Григорьевича Кричевского. Он много рассказывал о фондах библиотеки, которые начали формироваться еще в 1918 году. Сразу после войны Г.Г. Кричевский по

заданию правительства был послан в Германию в составе группы специалистов, которая в рамках репараций нашла и отправила в Союз уникальные книги из немецких собраний. Часть из них хранилась в библиотеке ИНИОН¹². В здании была складирована уникальная библиотека Института мировой литературы РАН, который волею судеб утратил свое помещение.

ИНИОН представлял собой единственный в своем роде информационный ресурс по общественным и гуманитарным наукам. Издавались серии реферативных журналов (философия, история, экономика, науковедение, языковедение, славяноведение и др.). Возобновится ли их выпуск — пока не ясно. Гордостью библиотеки были обширнейшие библиографические каталоги (алфавитный и предметный), которые находились на третьем (главном) этаже, более всего пострадавшим от пожара. В справочно-библиографическом отделе существовал каталог транскрибированных имен зарубежных авторов, когда-либо попавших в поле зрения инициативных библиографов.

¹² В то время центр носил название Фундаментальная библиотека по общественным наукам.

В институте проводились выставки, конференции. Всего не перечислишь...

Словом, и не без того сложное положение гуманитарных наук осложнилось еще больше.

А.Д. МАЙДАНСКИЙ. Огромный пласт человеческих знаний — идей и, в особенности, умений — передается и усваивается исключительно в процессе личного общения людей, входящих в те или иные когнитивные сообщества. Майкл Полани писал о “безмолвном знании” (*tacit knowledge*), но чаще оно именуется “неявным” или же “личностным”. Мы поговорим об эволюции науки в плане трансляции неявного знания.

В мире науки существует множество “фоновых” — скрытых, в том числе и от самих ученых, факторов и связей, определяющих характер познавательного процесса. Оперирование неявным знанием фактически превращает научно-исследовательскую деятельность в искусство. “Для меня знание — это активное постижение познаваемых вещей, действие, требующее особого искусства”, — отмечал Полани¹³. Пример периферического “фона” человеческой деятельности тоже приводится из мира искусства: “Фокус и периферия сознания являются взаимоисключающими. Если пианист переключает внимание с исполняемого произведения на движения своих пальцев, он сбивается и прерывает игру. Это происходит всякий раз, когда мы переносим фокус внимания на детали, которые до этого находились на периферии нашего сознания”¹⁴. В доказательство фундаментального значения неявных знаний Полани ссылался на открытия гештальтпсихологии.

Можно поинтересоваться у какого-нибудь крупного ученого-теоретика, как делались им открытия. Если он не сошлётся на интуицию (которая представляет собой не

что иное, как работу неявного знания, — само это неявное знание в действии) и всё же предпримет попытку переключить “фокус” внимания с объекта на сам процесс мышления, при этом не сбившись с мысли, как пианист у Полани, — наверняка, то, что он поведаёт о методах своего мышления, окажется несравненно слабее реально созданных им теорий. В этой связи Имре Лакатос отмечал “драматический контраст” между богатством исследовательской программы Ньютона и нищетой его представлений о методе научного исследования.

Можно ли овладеть *искусством* теоретического мышления по учебникам, даже самым лучшим? Очевидно, нет. Это невозможно в принципе, так же, как невозможно, проштудировав учебник, научиться рисовать или сочинять музыку. Неявное знание может быть передано лишь в *живом акте общения*, так сказать, из рук в руки.

И вот здесь перед современной наукой вырастает огромная трудность — проблема трансляции знаний в рыночной среде, то есть в сфере товарно-денежных отношений. Среда эта, мягко говоря, не благоприятствует свободному распространению и приросту личностных знаний. Она “заточена” под обмен вещами, товарными стоимостями, и преследует свои “капитальные” цели, как Луна далекие от научных.

Мы не откроем Америки, сказав, что в последние десятилетия наука настолько тесно сомкнулась с бизнесом, что сама рискует превратиться в бизнес-предприятие по производству “товарных” знаний. Больше всего при этом страдает как раз знание неявное — *личностное*. Безличные рыночные структуры буквально убивают эту тонкую “компоненту” науки. В силу их полной неосвязаемости, неявные знания, разумеется, не могут быть предметом купли-продажи. А между тем их трансляция,

Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра

Майданский Андрей Дмитриевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного университета.
E-mail: maidansky@gmail.com

¹³ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 90.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

не говоря уже о мало-мальски серьезном приращении, требует значительного труда. Требуется огромных — и при этом совершенно “непроизводительных”, в терминах Адама Смита, — затрат времени, материальных и финансовых ресурсов. Какой прагматически мыслящий бизнесмен станет вкладывать свой капитал в то, что нельзя с выгодой продать и даже просто пощупать или услышать? Конечно, неявные знания требуются в любой сфере человеческой деятельности, в том числе и на рынке, однако предмет рыночных отношений они выступать в принципе не способны.

Как следствие, по мере проникновения товарно-денежных отношений во все уголки общественной жизни, культуры, слой личностных знаний истончается и деградирует. Научно-исследовательская деятельность перестает быть высоким искусством; наука чем дальше, тем больше превращается в конвейерную фабрику открытий. При этом число открытий значительно возрастает, но в той же мере снижается их основательность и глубина. Ученых, сравнимых в гениальности с Эйнштейном или Выготским, Максом Вебером или Фрейдом, давно уже не осталось. А ведь не прошло и ста лет с тех пор, как наша планета изобиловала гениальными мыслителями...

В чем дело, что же произошло? Наукой окончательно овладела, подчинив ее своим интересам, социальная мегамашина — рынок. В истории науки началась новая эра, которую можно назвать *эрой коммерческой науки* (*scientia commercialis*). Теперь наука копирует или, по меньшей мере, имитирует структуру рынка. Все качественные характеристики научно-исследовательской деятельности сводятся к количественным и выражаются посредством математических величин (импакт-факторы, индексы цитирования, денежные суммы

грантов и т.д.). В науке начинается безудержная погоня за прибылью, расцветают реклама, коррупция, финансовые махинации и прочие атрибуты рынка. С одной стороны, коммерциализация науки необычайно стимулирует приток в нее “мозгов”, способствует глобальной кооперации ученых, увеличивает масштабы и интенсивность научной работы, с другой — убивает классические идеалы “республики ученых” и разрушает традиционные механизмы трансляции знаний. Губительнее всего процесс коммерциализации сказывается на гуманитарных науках, предметом которых является сам человек, личность как идеальный “ансамбль общественных отношений”.

В формирующей личность ученого сфере высшего образования настает время “академического капитализма”: гуманитарные ценности оттесняются рыночными на второй план, образовательный процесс ориентируется на утилитарные цели, личностная компонента замещается информационной (дистанционное обучение, сокращение лекционных часов, тесты вместо экзаменов и т.д.). Университеты выходят на рынок с предложением новых технологий и заключают контракты, занимаются защитой авторских прав и созданием технопарков, пребывая в постоянном поиске источников дохода. Руководство университетом все больше походит на финансовый менеджмент фирмы.

По части “явного” знания выпускник современного университета далеко опережает своего коллегу столетней давности (ведь наука ушла вперед). В плане же знания неявного, “личностного”, дело обстоит ровно наоборот. “Периферическая” культура ума в наше время заметно ниже — и у школьника, и у академика.

Ну а что в перспективе? Очевидно, коммерциализация науки продолжится, ибо это процесс вполне объективный — “естест-

венноисторический”, выражаясь словами Маркса. Вопреки его диагнозу, частная собственность далеко еще не исчерпала свой потенциал в качестве фактора роста производительных сил. Подтверждение тому — совершающаяся на наших глазах “буржуазная революция” в сфере науки. Остановить эту революцию невозможно, вопрос лишь в том, как далеко может зайти вызванный ею процесс эрозии неявных, личностных знаний. На мой взгляд, процесс этот будет продолжаться до тех пор, пока человечество не решит стоящих перед ним материальных проблем. Лишь после этого, и не раньше, развитие человеческой личности может сделаться целью общественного производства. Тогда и начнется ренессанс личностного знания, и все науки сольются в одну — науку о человеке, как некогда предсказывал Маркс.

О.В. ПОПОВА. На Западе перспектива развития гуманитарного знания неразрывно связана с решением проблемы: как гуманитаристика должна реагировать на технологические инновации, как технологические инновации могут стимулировать развитие гуманитарных новаций, и наоборот, как последние способны повлиять на ход научно-технического прогресса, сделать его человекообразным, создать адаптационные механизмы, своего рода мосты для внедрения технологий. Эти вопросы стимулируют развитие междисциплинарных исследований, в рамках которых огромное значение придается новым осмыслениям аксиологического поворота, возможности кризиса социальной сферы в связи с возникновением новой для человека реальности: конвергентных технологий, Интернета, технологий расширения возможностей человека (“Human enhancement technologies”) и т.д.

Гуманитаристика, с одной стороны, имеет дело с неповторимос-

тью человеческого бытия, с его уникальностью, а с другой, — опирается как на базис на представления о природе человека. Когда этот базис открыт экспериментированию, рациональному конструированию, например, посредством намеренного вторжения в биологические основания личности, вызывающего их модификацию, в частности, радикальное усиление или преобразование тех или иных антропологических характеристик, — мы будем иметь дело с другой гуманитаристикой, со своего рода постгуманитаристикой, исследующей тексты, творения, а также место и следы в истории и современности уже не человека, а постчеловека, отличающегося от нас как образом своего бытия, так и образом своего мышления, иной конфигурацией телесности — все сильнее уподобляющейся артефакту. Так, современная социальная философия все активнее делает предметом своего рассмотрения не человека, а вещь, анализируя социальное сквозь призму отношения человека к артефакту, соотношения артефактов между собой на основании сетевого принципа и т.д.. В основании этого подхода лежит замечательная идея Б. Латура о том, что артефакты не просто отражают социальное, но составляют его субстрат. Поворот от человека к вещи, артефакту — не случаен. Это, на мой взгляд, лишь промежуточный этап перехода к пониманию самого человека как артефакта. И проблема здесь, безусловно, не ограничивается представлением о человеке как социальном артефакте, на который наносит свои знаки общество и культура. Прежде всего, речь идет о конструировании нового типа человека — “неестественного” по своей природе, “сконструированного” до своего пребывания в мире вообще, до своего зачатия, усложняющегося в своей артефактности в своем дальнейшем существовании, обретая искусствен-

Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра

**Попова
Ольга**

Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, старший научный сотрудник Лаборатории социальной педиатрии ФГБНУ “Научный центр здоровья детей”. E-mail: J-9101980@yandex.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

ные улучшенные части тела, живя когнитивные усилители и поглощая какие-нибудь препараты для модификации своих чувств и контроля настроения. Этот человек постепенно становится предметом новой озабоченности гуманитарных наук и определенным вызовом, заставляющим взглянуть по-новому на процесс демаркации границ между природой и культурой, и, очевидно, провоцирует ситуацию, когда, столкнувшись с ним, в пору будет заявить об отсутствии у него природы. Сейчас это звучит, как фантастика, но сама фантастика становится предметом особо пристального внимания гуманитариев, поскольку в ней заложен мощный трансформативный потенциал, поддерживаемый невероятными темпами научно-технического прогресса. Весь цикл гуманитарных дисциплин может быть вовлечен в осмысление фантастических перспектив будущего, кардинально меняющего нас самих, изменяющего постановку вопроса о человеке.

На мой взгляд, интересной представляется задумка М. Эпштейна создать в Великобритании Центр гуманитарных инноваций, который будет заниматься осмыслением и формированием будущего гуманитарных наук. Задачи этого центра связываются с преобразованием предметного поля гуманитаристики, созданием новых фантастических дисциплин, новых гуманитарных технологий. Но, пожалуй, самое интересное, чем будет заниматься центр, состоит в виртуальном миротворении. На сообщество гуманитариев, в особенности, на профессиональных философов, в сотрудничестве с программистами возлагается задача создавать новые альтернативные, виртуальные миры, более яркие и богатые, чем миры виртуальных игр. Собственно, философия со времени своего появления этим и занималась: создавала новые миры. М. Эпштейн

справедливо отмечает происходящий сегодня переход от "science fiction" к "fiction science"¹⁵, запускающий процесс нового самоопределения многих дисциплин гуманитарного цикла.

Те соображения, которые я изложила выше, прежде всего касаются развития западной гуманитаристики. Что касается особенностей развития гуманитаристики в России, то, на мой взгляд, уместно поднять вопрос о том, каким авторитетам мы подчиняемся. Философ Юзеф Бохеньский высказал идею о том, что существуют два вида авторитета: авторитет знатока, специалиста ("эпистемический" авторитет) и авторитет вышестоящего лица, начальника ("деонтический" авторитет).

Развитие гуманитарных наук в России хотят подчинить воле не эпистемического, а деонтического авторитета. Если мы хотим развивать гуманитаристику, мы должны обратиться к авторитетным представителям экспертного сообщества в различных областях знаний гуманитарного цикла. Но, к сожалению, ситуация такова, что на роль экспертов претендуют не эпистемические, а деонтические авторитеты, (условно говоря, власть) или очень узкий круг экспертов, мнение которых корреспондирует с мнением деонтического авторитета. В результате увеличивается вероятность того, что показатели научной эффективности организаций, занимающихся исследованиями в области гуманитаристики, становятся исключительно количественными, а законы наукометрии станут контролировать свободу развития исследований, подчинять развитие гуманитарных исследований исключительно формальным "объективным" показателям, уподобляя гуманитаристику естественным наукам, что для нее противестественно. За это мы платим симуляцией качества исследований, обнищанием существа гуманита-

¹⁵ Будущее гуманитарных наук. — <http://mikhail-epstein.livejournal.com/>

ристики: за определенные деньги тебе позволяют печататься в рецензируемых журналах или искусственным путем повышают твой индекс цитирования или назначают конкретную цену за соавторство в статьях для ведущих журналов и т.д.

Между тем, в России слабо развито понимание особой миссии гуманитаристики в контексте научно-технического прогресса. Новый “ценностно валентный” облик современной науки и возрастающие требования к ней со стороны общества на фоне избыточного, неконтролируемого потока информации особенно остро ставят проблему доверия и искренности. И в этой связи должна возрастать именно роль эпистемических авторитетов (экспертов-гуманитариев). Еще раз подчеркну, что интенсивное развитие технологий, сопровождающееся появлением технологических инноваций, — это всегда вызов человеческим ценностям. Эксперт-гуманитарий в связи применением новых технологий (в том числе политических, экономических, образовательных технологий) способен предостеречь против пренебрежения ценностями и нормами человеческого сообщества, способствовать выявлению точек аксиологической озабоченности. Современным российским ученым необходимо приобретать знания о социальных технологиях “правильного” информирования населения, они должны попытаться заглянуть за обертку привлекательности предлагаемых технологических новшеств и вычленив ядро риска, а также провести исследование проблемы соответствия результатов инновационных проектов интересам различных социальных групп, их ожиданиям и ценностям.

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ. Наука внесла решающий вклад в реализацию великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами:

“Все во имя человека! Все на благо человека! Человек есть мера всех вещей”. И мы знаем этого человека — это каждый из нас. Построили общество, в котором может быть удовлетворена практически любая потребность. И не только удовлетворена, но и, если надо, создана, стимулирована. Это самодостаточный имманентный мир. Все ценности, включая трансцендентные, приведены к общему знаменателю маркетизации. И этот мир не имеет образа будущего. Он даже боится будущего, боится потерять настоящее. Даже место “традиционной” научной фантастики заняла фэнтези с ее средневековой стилистикой, где создание нового подменяется накоплением разнообразия за счет острашения прошлого и настоящего... Приквелы, сиквелы, пародии, и прочие “старые песни о главном”... В этой ситуации наука утрачивает позиции безоговорочного доминанта и гаранта прогресса. Она становится одной из практик. Еще одной...

Но человек не может без поиска трансцендентного опыта, выхода за рамки имманентности. И в нынешнем постсекулярном мире наука участвует в этих поисках.

А что до двух разных, все сильнее расходящихся видов гуманитарного знания, то, действительно, на глазах сбылось марксово пророчество о превращении науки в непосредственную производительную силу. Мы говорим об экономике знаний, о менеджменте знаний. И наука становится именно производителем, и не истины, а знаний, моделей, технологий — включая социально-культурные. И дело не только и не столько во власти, бизнесе, сервильности по отношению к ним. Речь идет именно о технологиях, позволяющих удовлетворять и стимулировать самые различные потребности. Примером таких технологий являются маркетинг, который давно вышел за рамки маркета: полити-

**Тульчинский
Георгий
Львович** —

доктор философских наук, профессор НИУ “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург).
E-mail: gtu@mail.ru

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

ческий маркетинг, маркетинг искусств, личности, PR, брендинг, ставший тотальным мифодизайном современного общества. Технологии манипулирования сознанием и акцент в гуманитарном знании, действительно, носят все более явный и отчетливый личный, персонологический характер. Личность — источник, средство, результат, и в чем-то даже сам процесс новых осмыслений и переосмыслений.

Однако объемы перерабатываемых данных в сознании одной личности уже не умещаются. Субъектом производства знаний становятся “фабрики знаний”: университеты, лаборатории, сетевые сообщества. Но ключевым звеном этого производства все равно оказывается все та же личность с ее способностью к уникальным смысловым прорывам. В этой перспективе несколько неожиданно открывается “сходство” гуманитарных наук (*humanities*) и естествознания (собственно *sciences*). Условием существования *science* является единство природы, дающее основание универсальности открываемых научных законов. Возможность существования гуманитарного знания основана на единстве и универсальности духа: все люди как личности наделенные сознанием, являются носителями трансцендентального субъекта. Другой разговор, что единый и универсальный дух проявляется через конкретную личность, занимающую конкретную и уникальную позицию в мире.

Но, впрочем, и в *science* единый и целостный мир открывается в каких-то приближениях, с каких-то позиций исследования, экспериментирования, средств наблюдения, измерения и т.д. Человек как конечное существо постигает бесконечное разнообразие мира только с какой-то ограниченной в пространстве и времени позиции, точки зрения, “в каком-то смысле”. Смысл есть порождение

конечной системы, пытающейся понять бесконечное. Но тогда условием осмысления является “выход в контекст” своего бытия как социального со-бытия с другими. Поэтому коллективный характер выработки гуманитарного знания просто неизбежен по самой своей сути этого знания.

Междисциплинарность, комплексность становится естественным и необходимым проявлением науки. И я вряд ли соглашусь с тем, что этот процесс не охватил и гуманитарное знание. У нас на глазах родилось немало таких проектов: упоминавшийся маркетинг; теория социальных коммуникаций; брендинг; культурология; когнитивистика. При желании список можно продолжать. Другой разговор, что происходит все большая операционализация гуманитаристики, в нее все больше проникают методы и результаты естественных и точных наук.

А “пробуксовка” гуманитарной экспертизы обусловлена ее спецификой. Главный ее нерв — соотношение социально-культурного (нормативно-ценностного) и личностного уровней. Именно этот аспект лежит в основе широких дискуссий о клонировании, абортх, эвтаназии, использовании стволовых клеток, биометрии. Гуманитарная экспертиза оценивает любую деятельность с точки зрения ее последствий для человека как целого (социум) и как индивида. По самой своей сути она оказывается соотношением нормативно-ценностных комплексов различного уровня: национального, этнического, конфессионального, возрастного, профессионального и т.д.

Из этого следует, что гуманитарная экспертиза строится в контексте некоего нормативно-ценностного базиса, ее результаты релятивны и релевантны относительно этого базиса. Сказанное означает, что такая экспертиза всегда относительна и конкретна. Более того, она оказывается сред-

ством достижения баланса толерантности: каждый социум имеет право на реализацию своих ценностей при условии ненанесения ущерба другим. Грош цена знаниям, экономическим и политическим идеям и проектам, медицине и акмеологии, если, владея ими, человек не видит в другом человеке личность — столь же свободную, как и он сам.

Силами исключительно какой-то одной специальной дисциплины выявлять и систематически соотносить между собой нормативно-ценностные комплексы конкретных культур невозможно. Конкретные методы, используемые в гуманитарной экспертизе, могут быть самыми различными: контент- и интент-анализ; метод семантического дифференциала и информационно-целевой анализ; логический и психологический анализ и т.д. и т.п. Более того, гуманитарная экспертиза может осуществляться в любой сфере и опираться на средства любой научной дисциплины, но только при условии их гуманитарной интерпретации. Например, Р. Оппенгеймер, А. Эйнштейн, А.Д. Сахаров, выступая в разное время против термоядерного оружия, опирались на естественнонаучные данные, используя их, тем не менее, как аргументы именно в гуманитарной экспертизе.

Главной особенностью гуманитарной экспертизы является ее комплексный и междисциплинарный характер, интегративно соотносящий и сводящий воедино психологические, этические, культурологические и философские аспекты. А такой анализ не под силу одному специалисту. Требуются усилия коллектива, в котором имеются различные научные компетентности, но который объединен общими ценностями. Тем более важно согласовывать (гармонизировать, оптимизировать) различные позиции и критерии. Обеспечить такую работу даже чисто организационно чрезвычайно трудно.

Существенную роль играет и особенность “экспертного мышления”: не каждый, даже высококвалифицированный специалист способен к обобщениям, конкретизациям и уточнениям, которые могут и не содержаться в первоначальном задании, к ответственным, собственно экспертным заключениям. От участника гуманитарной экспертизы требуется также умение делать выводы в более широком, чем традиционно, контексте. Поэтому такой эксперт должен пройти специальную подготовку, наверное, подтверждаемую соответствующим сертификатом.

В этой ситуации чрезвычайно важна самоорганизация гуманитариев. Это может быть — по аналогии с адвокатурой — некая национальная гильдия специалистов по гуманитарной экспертизе, которая взяла бы на себя функции подготовки и аттестации специалистов.

Решающим образом введение института гуманитарной экспертизы зависит от его легитимизации, т.е. принятия соответствующего нормативного акта, регулирующего ее основные параметры (конфиденциальность, авторское право и интеллектуальную собственность).

Формирование, развитие и продвижение такой социальной технологии, как гуманитарная экспертиза, — процесс долговременный, решающим образом зависящий от формирования общественного мнения, инициирования соответствующих нормативных актов, разработки необходимых индикаторов, подготовки специалистов-экспертов. Для внедрения и продвижения такой экспертизы в современном российском обществе созрели все необходимые и достаточные условия. Дело только за самоорганизацией профессиональной среды и эффективной реализацией имеющихся предпосылок.

(Окончание в следующем номере)